

АНДРЕЙ С Р Б О В Р Е М Е Н Н Ы Й
В О Р О Н И И Н С Л Е П О М

ВОРОНИН

СЛЕПОМ

ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Лунное затмение

«ХАРВЕСТ»

2011

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Слепой. Лунное затмение / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2011 — (Слепой)

ISBN 978-985-16-9971-7

Похищена 14-летняя девочка, дочь не слишком влиятельного чиновника московской мэрии. Генерал ФСБ Потапчук поручает раскрыть это преступление своему тайному агенту Слепому. Для поисков, казалось бы, нет никаких зацепок. У отца девочки нет ни малейших подозрений, кто и почему мог похитить его дочь. Но специальный агент ФСБ Глеб Сиверов имел кличку Слепой не только потому, что неизменно носил темные очки: он умел действовать практически вслепую. Вот и на этот раз благодаря действиям Слепого поиски увенчались блестящим успехом и, более того, привели к совершенно неожиданным открытиям.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-16-9971-7

© Воронин А. Н., 2011
© ХАРВЕСТ, 2011

Содержание

Глава первая	11
Глава вторая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Воронин

Слепой. Лунное затмение

© Харвест, 2011

* * *

– Ма-ма-а-а-а!

Лизин крик вспышкой разорвал сон. Света резко села на кровати и ощутила тень влажного, тяжелого ужаса. Она осмотрелась по сторонам и с тревожной надеждой подумала: «Приснилось?» Наконец ее взгляд остановился и застыл на стене, затканной тенями веток.

В эту ночь полной луны тени были яркими и четкими до остроты. Они шевелились и будто вели свой разговор с помощью тайных знаков.

«Луна яркая! – машинально подумала женщина, все же прислушиваясь, пытаюсь интуитивно понять, ощутить через стены состояние дочери. – Полнолуние. Это – полнолуние! Мне это просто приснилось. Или не приснилось? Может, это Лизочке что-то приснилось?»

Тени мягко двигались между лунными лучами, двигались так, будто они вовсе не имеют отношения к ночным кошмарам, но их четкие, резкие, контрастные очертания предательски выбалтывали наличие тайного гадкого умысла где-то в глубине всей этой ночи.

Света пододвинулась к краю кровати и опустила ноги на пол, машинально нащупывая тапочки. На кровати на половине мужа никого не было. И снова сердце ухнуло как-то слишком размашисто. И в этот самый миг снова взорвал сознание оглушающий, невыносимый крик Лизы.

Не приснилось!

– Лизонька, дочка! Ты где? – в смятении бормотала Света, пока как была, в легкой ночной рубашке, летела из комнаты в комнату, в прихожую, на веранду, на улицу. Лиза кричала где-то на улице.

Кажется, это где-то за углом, около сарая. Но как там оказалась девочка в это время?!

А Лизонька кричала и кричала. Только теперь было слышно еще и то, что она не одна, что кто-то пытается ее приструнить, унять, заткнуть ей рот. А девочка сопротивляется и зовет маму. И кричит. Кажется, от боли. Боже! Степан! В полнолуние он особенно безумен от водки.

– Лиза!!!

В ее босую ногу больно воткнулся какой-то корч, но на свою боль Света не обратила внимания.

– Лиза!!!

Руки как-то сами машинально вспомнили, что вот тут вот, около сарая, обычно стоит топор.

– Лиза!!!

С каким-то масляным, черным ужасом, растекающимся по телу и парализующим мышцы, она догадывалась, что происходит.

– Па-апа, – уже тихо всхлипывала маленькая Лиза, – не надо, не надо, мне очень больно!

Света со всего разбега немеющими руками бросила топор на черный загривок, лезвие опустилось аккуратно на шею. Громадная фигура мужа в ослепительно белой под светом полной луны майке начала грузно оседать, неестественно разворачиваться и, наконец, с густым шлепком распласталось на земле. Искривленное болью, обидой и страхом лицо дочери было замазано кровью отца. Кровь медленно, но настойчиво растекалась по ее ночной рубашке, заливая задорные улыбающиеся ромашки.

И вдруг начало темнеть. Женщина было обрадовалась тому, что сейчас она отключится и больше не будет участницей этой жуткой сцены. Но сознание не отключалось; наоборот, в тело проник колючий холод, возбуждая и отрезвляя. При этом все вокруг стало еще и бурым, как будто подернулось красновато-коричневым туманом. Света безвольно выронила свое орудие мести, холодное топориче больно стукнуло по ноге. Света резко оглянулась на небо. Луна стала багровой.

– Может, я всего-навсего сошла с ума? Конечно! Это сон. Да, бред, но сон, только сон, правда? – спросила у бордовой луны женщина, но стоило ей в бесконечном отчаянии зажмурить глаза, как слух перехватил инициативу. Нудный звук тихого нытья обиды и унижения гремучей змеей заползал в сознание, вынуждая его бодрствовать, не позволяя отключиться от того, что происходит здесь и сейчас.

Лизонька, вдруг лишившись чувств, начала с тихим шорохом плавно опускаться на землю рядом с телом отца. «Нет, нет, он ничего не успел! С ней все будет хорошо, все будет хорошо!» – стучало в висках у матери. Маленькое тело наконец рухнуло, и сразу же где-то на краю сознания обезумевшая от шока женщина услышала еще одно, другое, не Лизино, приглушенное всхлипывание.

– Митя!.. – не своим голосом прохрипела женщина и автоматически, как будто заранее знала, где он находится и что с ним случилось, повернулась в сторону мальчика.

Мать видела, как обильные слезы, сверкая в красноватом полумраке, заливают расцарапанные щеки этого городского задиры, грозы всех соседских девчонок и мальчишек, как искажено отчаянием и страданием от беспомощности перед случившейся несправедливостью лицо ее десятилетнего сына.

– Он привязал меня, мам, – захлебываясь, как будто сплевывая вместе с солеными слезами непослушные слова, бубнил мальчик. – Я не мог, не мог вырваться. Мама, я не мог...

Митю колотило, язык не слушался, но он все говорил и говорил, захлебываясь в слезах, как будто мысль долго пробивала дыру у него в голове и только теперь наконец вырвалась на волю.

– Он сказал, что я должен видеть, как быть мужчиной. Мама, я не мог вырваться. Он привязал меня, мама, я не мог вырваться. Я не хотел, мам, не хотел. Я сначала не верил, мам... Я не верил, что он. Я не знал. Лиза такая маленькая, мам! Он пьяный. Мама, он пьяный. Очень. Мама, мама, убей его! Он гад, он сволочь, мама, убей его! Лиза была такая маленькая! Убей его, мама! – хныкал без остановки обезумевший мальчик, привязанный к двери сарая толстой веревкой.

– Уже, хороший мой. Уже, – прошептала Света и, обхватив руками голову сына, мокрую от слез, прижала к своему круглому, уже громадному и очень упругому животу. Еще не родившийся ребенок мягко ткнул изнутри то ли ручкой, то ли ножкой в сторону брата.

– А с Лизой все будет хорошо, – добавила мать. – Потому что иначе не может быть, иначе – зачем это все тогда, если иначе?! Верь мне, мой хороший...

И тут же она почувствовала, как по ногам потекло что-то теплое. Сомлев, женщина начала сползать на землю под ноги сыну, плененному, психически истерзанному отцом, теперь уже – слава Господу! – мертвым.

Наконец сознание ее стало затухать. В последний миг она услышала, как мальчик что есть мочи заорал:

– Ма-ма-а-а-а!

* * *

– Предполагается, твою мать, что ты будешь работать, как профессионал!

– Не трогай, сука, мою мать! – Края верхней губы Оборотня в неприкрытом отвращении подтянулись к раздутым от негодования ноздрям. Парень весь покрылся бесформенными красными пятнами. Сначала они вспыхнули на его широкой мускулистой шее, от самого ворота узкой черной майки до подбородка, затем быстро расползлись по всему лицу и, казалось, даже пролезли под коротко стриженный белобрысый бобрик на затылке – до самой макушки.

– Ты, Шершнеф, – психопат, поэтому профессионалом быть не можешь! Ты, черт возьми, реальный психопат!

Проигнорировав последний выпад Оборотня, Старший продолжал свои наставления. Он ничем не выдал свои эмоции, не изменилась ни его интонация, ни громкость голоса. Он стоял на своем, просвечивая Оборотня насквозь рентгеном своих темно-синих глаз, подчеркнутых тенями под длинными ресницами. Такие глаза больше подошли бы томной даме, но Старший тоже вполне умело пользовался магией своего взгляда – приручал детишек, обольщал женщин, сковывал волю даже самых дерзких мужчин.

– Да, черт возьми, ты – реальный психопат!

– Не трогай мою мать! – процедив сквозь зубы, повторил Оборотень.

Он, тоже не моргая смотрел на Старшего, впрочем, теперь, спустя несколько мгновений, он уже из последних сил удерживал себя, пытаясь не отвести взгляда. Он стоял на своем, потому что чувствовал, что сейчас наступил один из решающих моментов и теперь, только теперь можно отстоять некоторую территорию независимости. Дашь слабину – упадешь и не поднимешься. Выстоишь – заработаешь весомый кредит уважения. Какое-то шестое чувство подсказывало ему, что сейчас впервые за все недели пребывания в этом кругу решается то, кем он для них станет – вечной пешкой, разменной монетой, если понадобится, пушечным мясом или ферзем.

– Оборотень, он и есть оборотень... – сплюнул, то ли шутя, то ли презрительно один из ребят за спиной.

Кто-то пнул болтуна локтем в бок, это Оборотень понял по звуку шорохов и коротким тихим пересмешкам. Кто-то еще добавил для вящей потехи:

– Смотри, смотри, сзади... А! нет, показалось, это не хвост!

Все хором гоготнули.

– Не-е, – протянул кто-то громким шепотом, – не мечтайте, оборотни меняют свой вид только в полнолуние. Надо ждать. Через неделю посмотрим...

Оборотень, не теряя взглядом связь со Старшим, чуть повернул голову, будто лишь удерживал себя, совсем не желая того, против воли прислушивался к ерунде, которую раздули вокруг его персоны недоумки позади. Ленивым плевком он выразил презрение всему тылу и снова погрузился в связку со Старшим – глаза в глаза. И все так же сквозь презрительно вздернутую верхнюю губу процедил:

– Мать, кто бы ты ни был, не трогать! Это понятно?

Старший едва заметно на какую-то микродолю секунды прищурился. Или это дрогнули от какой-то мысли его мышцы? И вдруг, отпустив взгляд, он сказал спокойно:

– Так, там, на галерке! Я не просил мне помогать! У кого недержание? Шаг вперед!

После недолгой нерешительной паузы на одну линию с Оборотнем шагнули Чухонец, коротконогий парень откуда-то из северных районов России, Песик, белобрысый забияка, и Жвачка. Этого так прозвали потому, что в свое время, переступая порог дома, где проживала их команда, он от волнения и страха слишком активно ворочал челюстями.

– Так, умники, сейчас каждый из вас выскажет свою версию, почему нашему отряду нужен приличный оборотень. И чтобы не повторяться! Задание понятно?

Парни молча, не отрывая взгляда от ботинок, закивали головами.

– Начали в порядке вашего выступления за спиной у товарища.

– Он нам не товарищ, – тихонько кинул Песик, оправдывая свое погоняло. – Он – псих, а психопат не может быть профессионалом.

– А ты, кажется, не дорастешь до Пса, так и останешься Песиком, то есть лизуном для начальства, – угрожающе предрек Старший.

Оставшиеся сзади пацаны снова тихонько гоготнули.

– Так, команда! Все, что ли, хотят на линию огня?

Наступила тишина.

– Итак... Песик, – довольно язвительно назвал его Старший, – ты начинаешь.

Парень прикусил с одной стороны нижнюю губу, а потом нехотя процедил:

– Оборотень – это человек с силой зверя, а нам нужны сильные парни.

Начальник одобрительно хмыкнул.

– Согласен. Следующий. Чухонец, ты там что-то болтал насчет хвоста. Подключи свои шаманские корни и выдай нам какую-нибудь интересную информацию о пользе оборотня в таком деле, как наше.

В отличие от Песика, Чухонцу поставленная задача, кажется, понравилась. Глаз у него заблестел, слегка прищурился. На лице заиграл азарт.

– Ну, у нас говорят, что оборотень понимает многих животных, потому что умеет превращаться в них и жить среди них, и может рассказать людям тайны зверей, то есть иных, а еще он быстро бегаёт и может незаметным пробираться в разные места, где ему нельзя ходить и где чужим вообще нельзя. Оборотень так может, потому что умеет превращаться в тех, кому можно.

– Интересная версия, – одобрительно кивнул Старший.

Оборотень помимо воли слегка расправил плечи, став на один сантиметр выше. Но следующая реплика начальника снова заставила его досадно сморщить нос.

– Но тот, кого мы называем Оборотнем, пока еще психопат и никаких других особенностей нам не продемонстрировал. Пока. Жвачка! Твое слово.

– А че я-то? Уже все сказали.

– Ну так подтявкни что-нибудь до полноты картины. Пять минут назад ты явил миру глубину своих научных знаний. Давай разжуй нам, герой-ботаник, почему же оборотень – это уместное явление в нашем отряде?

– Дык... – неуверенно начал верзила.

А Жвачка был реальный верзила. И челюсти у него были громадные, и желваки ходили почти постоянно, придавая ему поистине угрожающий вид. Но по характеру он был незлобив, скорее нерешителен, много сомневался. Правда, лишь до тех пор, пока ситуация не касалась прямого задания. Приказы он выполнял бездумно и потому идеально.

– Та-а-ак, я думаю, что при нашей работе, в тайне и как бы в тени... – Жвачка снова задумался, поигрывая желваками, а потом вдруг выдал: – Он как бы не подходит. То есть никакой оборотень нам не нужен, потому что мы – тайная организация, а оборотни обращаются и становятся всем, за что их можно ценить, только в полную луну, то есть при свете. А у нас – «Лунное затмение». То есть темнота. Не вяжется оборотень с нами.

Повисла пауза. Чухонец и Песик, стоявшие справа от Оборотня, переглянулись.

Старший сначала озадаченно поднял брови, глядя в упор на Жвачку, а потом смешливо хмыкнул.

– Не могу сказать однозначно, нравится мне или нет то, что ты пытаешься выстраивать логические цепочки, – сказал он. – Уверен только в том, что у всего, как у Луны, есть другая сторона. Нет вещей однозначных, видимых целиком при беглом взгляде. Однозначными их делают приоритеты каждого отдельного человека. Приоритеты индивидуальны, у каждого они свои и по важности расставлены в своем индивидуальном порядке. Кто-то сначала почистит

зубы, а потом займется зарядкой, а кто-то пойдет есть и только после еды почистит зубы. У каждого своя шкала приоритетов.

Старший сделал довольно длинную паузу, давая ребятам осмыслить то, что сказал. Он внимательно посмотрел в лицо каждого из них и, когда решил, что более-менее, информация зацепилась, продолжил:

– Если же мы добровольно объединились в команду, значит, нашим индивидуальным приоритетом стал приоритет команды. Команда тут как что-то целое со своим личным характером, привычками, навыками, интересами и приоритетами. В первую очередь. Это понятно?

Старший снова внимательно всмотрелся в лица подопечных.

– Это я вам напомнил, чтобы вы не начали сомневаться и пытаться заглянуть на другую сторону Луны, – это не наша задача, это приоритетная задача космических агентств. Жвачка решил, что раз затмение, стало быть, Луны не видно, она скрыта в тени Земли. Но Луну все равно видно, хоть она и покрыта тенью, бордово-кирпичной или коричнево-красной. И самое главное, затмение Луны бывает только в полнолуние. Все усекли? Затмение луны бывает только в полнолуние. Значит, Жвачка?..

Старший вопросительно уставился на парня и выжидающе замолчал.

– Значит, – неуверенно промямлил Жвачка, – Оборотень в тему.

– Именно. А теперь – Оборотень.

– В смысле? – опешил Оборотень. – А я-то за что? Это ж меня же и обижают.

Старший смешливо и удивленно поднял брови.

– Ишь ты! Обижают, – передразнил он. – Тоже мне, кисейная матрона. А ты разве забыл, что всегда жертва тоже виновата? Вопрос лишь в том, чем и насколько. Это ты настроил их на неуставное поведение в строю. Так что сейчас пришла твоя очередь рассказать, каким боком ты уместен в нашем отряде. Доказывай себя и считай это тренингом смирения для твоих необузданных инстинктов, амбиций и невротических вспышек.

Оборотень было сжал кулаки от негодования, но тут же понял, что, в общем-то, сейчас уже никто на него не нападает.

– Мм...

Он вдруг осознал, что не знает ни одного существенного повода, говорящего за то, что он действительно заслуживает быть членом команды, впрочем, не только этой команды, а вообще любой команды, какую ни возьми. Неважно, что он сильный. Неважно, что он хочет тут быть. Это все не то. Это все не причина для группы доверять ему. Оборотень почувствовал растерянность, неуверенность, желание сказать всем «извините за беспокойство!» и уйти.

– Говори, что первое придет в голову, – подтолкнул Старший.

Это прозвучало, как голос богов, наставляющих на единственно верную дорогу.

– Потому что я родился в лунное затмение, – вдруг выпалил он.

– Тью-у-у, – свистнуло сзади сразу несколько голосов.

– В самое настоящее?

– Да.

Оборотень почувствовал в коленках слабую дрожь. Он очень давно никому не говорил, что появился на свет тогда, когда мир становится тенью тени и окрашивается в кровавый цвет. Он рано понял, что этот факт людей всегда настораживает. Взрослые всегда немного напрягались и отворачивались, бормоча под нос что-то нескладное, типа «От такой судьбы лучше держаться подальше». А ребята в его детдоме просто смеялись, обвиняя его во лжи. Они говорили, что все, что он рассказывает про лунное затмение, – все чушь и ложь. И начали дразнить его Оборотнем. К этому времени Димка, старший брат, уже отправился в самостоятельную жизнь и лишь иногда приезжал в гости из далеких городов, где пытался найти свою удачу. Поэтому постоянной защиты у мальчика уже не было.

Неконтролируемый страх из детства, страх того, что его снова поднимут на смех и навсегда отвернутся от него, как обычно, бросив одного без надежды на понимание, мурашками пробежал по его суставам.

За его спиной висела удивленная и растерянная тишина.

– Как-то слишком красиво для того, чтобы быть правдой, – внимательно глядя на Оборотня, засомневался Старший.

– Мне брат рассказывал. Я потом проверил. И правда, в день моего рождения было лунное затмение, – не очень уверенно попытался защищаться Оборотень, а потом вдруг зачем-то добавил: – Со всеми вытекающими.

Старший вопросительно поднял брови и чуть внимательнее посмотрел на парня. Потом Оборотень сам для себя оправдывал это короткое уточнение тем, что якобы ему показалось, что сейчас ему как будто доверяют, а ему так давно хотелось сбросить с себя хоть часть груза, навешенного судьбой, чтобы освободить плечи! Вот он и не сдержался. Он подумал, что сейчас его выслушают и услышат.

Тогда перед всеми Старший не стал углубляться в подробности. Он отправил ребят обратно в строй и продолжил разбирать ошибки, допущенные в ходе прошедшей тренировки. А после обеда к Оборотню подошел дежурный по отряду и сказал, что командир зовет его к себе.

Глава первая

– Скажите, а возможно, что конец света наступит только в одной стране? – высохшая почти уже до состояния мумии бабуля робко, но настырно тянула руку вверх, привлекая к себе внимание лектора.

– Ха! В любом случае это будет страна, в которой живем мы! – съязвил пузатый дядька, откидываясь на спинку стула, довольный своей шуткой.

Бабуля вызывающе взглянула на него и отвернулась. В ту же секунду она уже снова включила излучатель любви и бесконечной веры в лектора.

– Как вы себе это представляете? – серьезно, будто испрашивал мнение доктора наук о перспективах внедрения новейших бактерий в закрытую экосистему, поинтересовался у бабули лектор.

Лектору на вид было лет сорок. Аккуратно подстриженный, с идеально очерченной бородой, одетый в строгий черный костюм и белую рубашку, он выглядел подчеркнуто официозным. Его строгий образ разрушал разве что желтый галстук. Мужчина излучал благополучие и уверенность.

Бабушка, заполучив долгожданное внимание, опустила руку и часто захлопала глазами. Через какое-то время ее растерянность испарилась и она начала фантазировать.

– Ну, например, если Великобритания, как обещают, уйдет под океан, утонет, как Атлантида, получится, что для Англии наступит конец света. Ну разве нет? – она обернулась за поддержкой и одобрением к аудитории и, обнаружив довольно много внимательных и заинтересованных взглядов, воодушевилась собственной сообразительностью.

– Ну и что получается? – не дал утвердиться ее триумфу лектор.

– Как «что»? – не сдавалась бабуля. – Для целой страны наступает конец...

– Это же конец истории целого народа, – робко поддержал ее молодой девичий голос с галерки.

– Обоснуйте! – потребовал лектор, выискивая глазами нового выступающего.

Девушка робко поднялась с места, но мужчина помахал рукой, предложив ей сесть и говорить со своего места. И она начала:

– Ну, ведь все погибнет: литература, архитектура, люди с их социальными привычками, политическим укладом. Это будет так же, как если умирает человек. В среде его друзей устанавливается пятно пустоты, которое затягивается только со временем, а иногда и вовсе не затягивается... Такое же произойдет, я думаю, если уйдет с земли целая нация.

– О'кей, о'кей! Достаточно мечтать, я думаю. Скажите, – переключился лектор на всю группу, – все думают так же или есть другие мнения? Например, о том, чем значим человек для окружающих его людей и что случается, когда он уходит из их круга?

В наступившей тишине стало слышно, как за окном барабанит дружная мартовская капель. Где-то во дворе тьякнула собака, тут же возмущенно заорал кот.

– Прежде всего, уважаемые, наши близкие и друзья ценят нас за то, что мы им даем. Наши собственные проблемы, и заботы, и радости, и желания вызовут у них отклик и соучастие, только если их помощь гарантирует восстановление удобного для них равновесия в мире, то есть если это вернет нас в то состояние, когда мы снова будем помогать им, чем-то важным для них наполнять их жизнь. Как только наши трудности начинают беспокоить их, мы сразу начинаем меньше и меньше видеть рядом этих так называемых друзей и близких. Разве не так?

Слушатели нехотя закивали головами в знак согласия. Лектор сделал паузу, давая им время на то, чтобы озвученный посыл укрепился в почве их сознания, открытого сейчас для любых экспериментов.

– Но, если человек умирает, – подал голос кто-то из зала, – то он не только прекращает беспокоить, но и перестает давать близким то, что давал, то есть перестает поставлять то, из-за чего его ценили, и вот в этом как раз случае, как я понимаю, наступает упомянутая пустота.

– Согласен! – как будто только этого и ждал, поддержал его лектор. – Но посмотрите, опять же, на природу этой пустоты! Наши близкие привыкли брать. Нашу энергию, наш ум, наши таланты, наше хорошее настроение. И вдруг отрезают привычный канал, по которому им поступали эти питательные элементы. Конечно, у любого живого организма может наступить агония. И чем больше зависели от нас наши близкие люди, тем больше они будут болеть, когда нас не станет.

Слушатели немного расслабились, увидев, что ведущий вроде не собирается полностью нивелировать значимость каждого из них для семьи и друзей.

– Но! – лектор высоко поднял указательный палец, подчеркивая мысль, которую намеревался высказать дальше. – С другой стороны, получается, что чем больше мы заботимся о своих близких при жизни, тем больше вероятность грандиозного страдания после нашей смерти. Давайте представим себе ребенка, готового родиться. Вот он еще в утробе. Через пуповину он получает от матери именно то, что ему надо, именно столько, сколько надо. Заметьте, он не заботится о том, хватает ли самой матери микроэлементов, не заботится о том, сколько он причиняет ей боли. Это все благодаря основному инстинкту – инстинкту самосохранения. Он просто берет то, что ему необходимо.

– Вы прямо монстра какого-то изобразили! – недовольно пробурчала молодая женщина в первом ряду. – Как будто чудовище какое-то злобное и чужеродное внутри нас развивается!

– А по-моему, похоже, – усмехнулся прыщавый длинноволосый юноша.

– Девушка, разве вы раньше не знали, что именно так ведет себя ребенок во время своего развития в утробе матери? – возмутилась полногрудая, сильно накрашенная матрона рядом с девушкой.

– Знала, конечно, но мне это никогда не казалось чем-то таким ужасным. Так должно быть, потому что он маленький и сам еще не может...

– А высасывать из матери энергию он может?! – продолжала свое воспитание матрона.

– Но природа дает матери дополнительные ресурсы, организм перестраивается, даже обновляется; как говорят врачи, он так меняется, что способен работать на двоих...

– Ну вот, – присоединился к спору потный лысый мужчина, – «работать на двоих»! Один за двоих! Разве справедливо?

– Вот-вот! – благодарно повернулась к нему матрона. – К тому же насчет обновления хочу добавить. Волосы ломаются, зубы летят, глаза от тяжести вваливаются, ноги отекают. Это все, по-вашему, дамочка, на улучшение работает? Нет, я согласна с уважаемым Игорем Леонтьевичем в том, что ребенок истощает организм матери.

– Друзья мои, давайте не будем постоянно впадать в крайности. Что одна крайность, что другая – это всего лишь выбор цвета морали. Юной девушке сейчас полезно думать, что все романтично, потому что ее сама природа готовит к тому, чтобы она стала матерью. Ее сейчас надо убеждать в том, что это – хорошо и правильно. Женщина постарше уже свободна от природной программы деторождения, потому что свое отработала, она может посмотреть на все в другом свете. Но я не собирался ни критиковать дитя, ни романтизировать. Я говорю голые факты. Пойдем дальше. Как только ребенок рождается, ему обрезают эту самую пуповину, по которой поступало питание его жизни. Ребенок возмущается. Все изменилось. Его не спростили. Питающую машину от него отрезали. Нет ее больше, привычной! Нет, значит, умерла. И вот с первым вдохом он должен учиться другой жизни. Вдумайтесь: другой! Другой жизни.

Зал молча смотрел на лектора Игоря Леонтьевича, тот молча смотрел на зал. Когда люди снова начали шевелиться, движимые любопытством и желанием узнать, к чему же он клонит,

мужчина резко повернулся к своему столу, не спеша подошел, сел на крышку столешницы и только после этого продолжил уже другим тоном:

– Так вот, друзья мои, все, что происходит между человеком и его близким окружением, подобно тому, как рождается ребенок. Человек тут – пуповина или, если хотите, мать, поставляющая нужные окружению элементы жизни, а его близкие, так сказать, – это и есть этот самый ребенок, этот самый потребитель. И когда человек умирает, уходит, близкие как бы оказываются вынуждены учиться быть самостоятельными. Они начинают жить свою жизнь.

– То есть если мы умираем, то это благо для них?

– Если хотите, то да. И смотрите, что тут есть еще. Когда ребенок родился, он включает собственные механизмы выработки нужных элементов. Делает он это, опираясь на полученное, но уже учится строить себя сам. Так же с нашими друзьями. Мы заложили в них то, что начнет самовоспроизводиться и развиваться в новые формы – новые идеи, лучшие способности, более высокий опыт – сразу, как только перекроется автоматический приток извне...

– Хитро придумано! – удивился прыщавый юноша.

– Законы Космоса, молодой человек, – это законы, и работают они везде, потому что Космос – везде, он и в материи, и в сознании, и в рациональном расчете.

– А что, простите, с концом света в отдельно взятой стране? – нерешительно напомнила о себе старушка-мумия.

Лектор закивал головой, встал со стола и снова обратился к аудитории слушателей:

– Одна страна давала всем другим свою культуру, свои продукты, участвовала в политической жизни, делилась опытом в решении вопросов в социальных сферах. И вот страны не стало. Что будет происходить?

– Другие начнут думать своей головой, – саркастически предположил потный лысый мужчина.

– Вообще-то, да. Именно так и будет. Но тут есть еще одна хитрость. Кто скажет, чем принципиально отличается страна, если мы берем народ и если берем территориальную единицу, от отдельно взятого человека?

А зале повисла тишина.

– Ну, что же вы такие нерешительные? – улыбнулся лектор. – Всё проще простого. Когда умирает человек, никак не могут остаться от него самостоятельно живущие руки, ноги, голова, простите за грубоватость этого образа. Но когда, как вы говорите, погибает нация (ну, если вам кажется, что слово «нация» слишком громкое, то скажем, что когда погибает в катаклизме страна), то все равно остаются представители этого народа. Будьте уверены, сегодня не случится так, как было в Помпее. Впрочем, очень может быть, что и в Помпее многие спаслись. А многие подданные той же британской королевы уже сейчас живут и работают в других странах. И что бы ни происходило на острове, в любом случае будет достаточно времени, чтобы спасти многих. Ну и если земля этого острова уйдет под воды океана, то это еще не конец земли. Планета останется, и суша останется. Так что, дорогие мои, в отдельно взятой стране возможен только катаклизм.

– Тогда получается, – предположил прыщавый юноша, – что обещаемый конец света – это обязательно для всех?

– Ну а как же? Свет – это все, то есть все-все, включая людей. Но если вам так не хочется это осознавать, то можно посмотреть и, так сказать, с другой стороны, с конца. Если наступает конец света, будь то земля или просто свет солнца, то ни один человек не сможет выжить.

– Так что же это получается, – почти возмутилась бабуля-мумия, – никакой надежды пережить и потом внукам рассказывать?

Аудитория грохнула от смеха.

– Пожалуй, вы совершенно правы: никакой надежды, – с улыбкой заверил ее Игорь Леонтьевич.

– И вы так спокойно об этом говорите?! – стареющая дама в розовом с рюшечками платье мимоходом поправила прическу, почувствовав, что все уставились на нее. – Как будто вам-то это не угрожает, как будто вы владеете секретом, который вас спасет.

– Может быть, – лектор улыбнулся еще шире и еще приятнее.

Его глаза излучали счастье единственного обладателя тайного знания, такого знания, которое ставит его намного выше всего человечества, того знания, о котором мечтали все эти люди, собравшиеся сейчас перед ним, которые кто скептически, а кто и с неискоренимой верой внимали его словам и намекам.

– Может быть, – повторил он, но в его интонации слышалось «конечно, конечно». – Но спасет от чего? Давайте начнем с этого. Итак, мадам, от чего спасет?

– От конца света, конечно. Мы же об этом говорим?

Мужчина, похожий сейчас на демона со всей его идеальностью костюма, прически, манер и вдобавок еще с отблеском в глазу тайного знания о конце сущего, снова уселся на столешницу.

– Скажите мне, милая дама, как, по-вашему, я буду себя чувствовать, если останусь один-одинешенек во Вселенной, где нет ни моего дома, ни других, подобных мне? Я что же, буду бродить одинокий по пустынной земле и питаться корнями деревьев, весь ободранный, исхудавший, усталый? И пределов моему отчаянью не будет, потому что надежды найти хоть одну душу не останется, а один я и не смогу и не нужен этому миру.

– Так мы и все вместе не нужны этому миру, – буркнул пожилой мужчина, который сидел ближе к задней стене зала, – мы для него только скопление вредителей, бактерий или вирусов. Мы ему давно мешаем, поэтому он и намерен от нас избавиться. Наша же задача – сохранить вид, сохранить максимум, который будет способен самовоспроизводиться.

Игорь Леонтьевич прищурил один глаз, внимательно уставившись на человека.

– А зачем нам это, не скажете?

– Скажу, – согласился мужчина. – Основной инстинкт. То есть инстинкт самосохранения. Вы же о нем и говорили. Как он есть у новорожденного, так он есть у каждого человека и у всего человечества в целом. Один на всех. Коллективное бессознательное. Если нам грозит смерть, мы будем – пусть в последний момент, но все вместе бороться за выживание. Помиримся, объединимся и интуитивно что-то предпримем.

Лектор нахмурился и почему-то нервно заходил по аудитории от двери к окну, от окна к двери и обратно.

– И знаете, все человечество в целом в корне не похоже на одного человека, так что вы зря сравнивали, – разошелся как кипящий самовар мужчина.

– Да ну?! – злобно оскалился великолепный Игорь Леонтьевич.

– Ну да. Один человек, потеряй он руку или ногу, не сможет самостоятельно регенерировать. Я сказал: «самостоятельно». А общество вообще, если даже три четверти, пять шестых его исчезнет, может восстановиться без вмешательства извне. И еще: один человек живет, окруженный другими ему подобными. В случае беды каждый из нас может рассчитывать на братскую руку помощи. Человечество в целом – одиноко. Вот такой вот парадокс. Человек – один и беспомощен как единица, но окружен потенциальной помощью. Человечество – одиноко во внешней среде, но вполне самодостаточно.

– Интересное наблюдение, – не мог не согласиться лектор.

– А к чему вы клоните, уважаемый? – пискляво поинтересовалась бабуля-мумия.

– Да сам не знаю, если честно. Но если уж вы полагаете, уважаемая, что ваше личное счастье случится тогда, когда вас не заденет общая беда, то, возможно, вы ошибаетесь. Вам придется работать за всех тех многих, кто уйдет с этой планеты. Так что в ваших интересах надеяться на то, что вас тоже накроет. Мой вам совет: поспешите занять очередь в числе первых. Меньше беды увидите. Меньше пострадаете на прощание.

Группа слушателей затаилась в глубокой задумчивости. Игорь Леонтьевич решил, что настал как раз удобный момент, чтобы вернуть себе бразды правления, и вышел на середину зала перед аудиторией. Сложив руки перед грудью и еще для большего впечатления сцепив пальцы замком, он сказал:

– Уважаемые мои, вот мы снова возвращаемся к тому, что важнее всего. Это наши индивидуальные приоритеты. Вопросами спасения всего человечества должны заниматься ученые. Похоже, – улыбнулся он, – они это делают для нас из рук вон плохо. Поэтому-то, не полагаясь на них, мы собрались с вами, чтобы самим разобраться: что же нас ждет и как, как говорится, с этим бороться?

Оратор с удовольствием заметил, что люди снова расслабились и обратили к нему все свое внимание как к носителю истины в последней инстанции, как к явленному спасителю. Они снова были полны надежды на вечную жизнь и ради нее готовы были пойти на многие удивительные вещи. А этого старика с вредными для клиентов Игоря идеями о значении человечества в жизни одного человека даже интересно будет переломать. Если не получится, то всегда можно не пустить его дальше.

– Но сегодня наше время закончилось. На этой первой встрече мы познакомились и немного расставили точки над «и» – обсудили, почему же нам так хочется жить, постарались понять, что же такое жажда жизни. Если я вас не очень разочаровал, если вам интересно, что будет дальше, прошу в эту же аудиторию в среду. В это же время.

Игорь Леонтьевич собрал разбросанные на столе планы развития беседы, спрятал их в кейс из крокодильей кожи и уселся за стол. Он был готов отвечать на вопросы слушателей. Именно сейчас он мог определить, кого стоит затянуть в свою паутину, за кого еще придется побороться, а на кого нет смысла тратить время.

В этот раз увлеченных или обеспокоенных судьбами человечества накануне конца света было немного, уже через тридцать – сорок минут Игорь вернулся в офис и с удовольствием рухнул в громадное кожаное кресло.

Лена, его личный помощник, тут же засуетилась, выставляя рядом на столик чашку заваренного цикория и блюдце с имбирными цукатами. По ходу дела она сухо доложила:

– Приходил Владислав. Минут пятнадцать назад. Сказал, что сходит за сигаретами, пока ты закончишь, и вернется. Сказал, что заказал кого-то из «Лунного затмения». Он должен явиться, – она посмотрела на часы, – через двадцать пять минут.

– Очень хорошо. Отдохнуть надо. Дай мне коньяк. Налей половину бокала. Что-то меня сегодня разозлили эти твари дрожащие. Одна – дура мумия, другой – массовик-затейник.

– Ну, ты талант, Игорь. Удастся же тебе при такой вот ненависти влюблять их в себя толпами!

– Во-первых, это дар. Во-вторых, у меня была тяжелая судьба и приходилось бороться за выживание. Я серьезно тренировался, чтобы научиться не выдавать свои настоящие чувства. Людям надо только то, что им лично надо. Я специально учился быть обаятельным. Ну и, наконец, мне помогает любовь к материальному благополучию. Я на это стадо смотрю как на свои деньги. Я высматриваю те экземпляры, которые обязательно превратятся в мои личные деньги. И только на них работаю, затягивая все туже и туже петлю у них на шею.

– Сущий дьявол.

– Кто тут дьявол? – в проеме распахнутой двери нарисовалась невысокая фигура Владислава – старшего брата Лены и компаньона Игоря.

– А ты не знаешь? – равнодушно спросила девушка, наливая заказанный Игорем коньяк. – Тебе надо?

Брат отрицательно покачал головой, сам подошел к барному шкафу, оценил содержимое и достал для себя чекушку рома.

– Кола есть?

– Нет.

– Ладно. Спасибо. Мне и так хорошо.

Лена подала коньяк шефу и протянула, чтобы чокнуться, налитый для себя бокал с мартины брату. Владислав предпочел пить прямо из бутылки, прямо ею и чокнулся.

– Сестренка тебе уже доложила, суший ты наш, что сейчас явится один из орангутангов нашего друга Полковника?

– Да, я предупрежден.

– Пацаны у него хорошо дрессированные, только очень молодые. Закалки не хватает. Меня это смущает.

– А меня нет. У старых слишком много мыслей. Это лишнее. А молодые идут на идею, как голодный волк на кровь.

– Как молодой бык на телку, – хмыкнула Лена.

– Быки они, это точно. Только смотри мне, – пригрозил Владислав, – ты для них не телка, поняла? Убью лично сначала тебя. Поняла?

Лена скривила губы в презрительной улыбке, якобы усомнилась в том, что брат исполнит обещание, но тут же подняла, как бы тостуя, свой бокал, шутливо подбадривая его.

– А потом кого? Быка? – устало поинтересовался Игорь. Он удобно развалился в кресле и, погруженный в свои мысли, лениво потягивал коньяк. – При чем же тут еще кто-то? Если телка не захочет, бык не вскочит. Во всем виноваты только бабы. Бесплезные существа. Хуже. Пользы никакой, а вред за ними хвостом тащится.

Лена хотела было что-то возразить, но брат указал ей знаком благо разумно помолчать. Девушка, расширив глаза, показала ему, что возмущена и не уверена, что ей стоит промолчать, проглотив это хамство, но тут раздался звонок. Кто-то снаружи хотел присоединиться к компании. Лена, выдохнув сожаление о том, что не успела дать отпор, поставила свой мартины и вышла в холл открывать гостю дверь.

В коридоре стоял рослый накачанный парень. Маленькая вязаная черная шапка со сложенными вверх в несколько оборотов краями ютилась скорее на макушке, чем на голове, и даже не претендовала на то, чтобы спрятать короткий белообрый бобр. Глаза у парня были голубые, красивые, но холодные и грустные.

– Вы к кому? – сыграла удивление Лена, будто никто и ни под каким предлогом тут не должен был появиться.

– Мне нужен директор «2012», – равнодушно ответил парень.

– Вы кто?

– «Лунное затмение». Оборотень.

– Аусвайс?

– Что?

– Удостоверение какое-то покажи. Я не знаю, кто ты и кем выдумал прикрыться. Я, кстати, не знаю в «Затмении» никакого Оборотня!

Лена поняла, что прокололась. Чтобы как-то исправиться, она поспешно добавила:

– И что такое «Лунное затмение», я тоже не знаю.

Обиженная собственной ошибкой, она даже попробовала закрыть дверь перед носом гостя, но парень уперся в нее рукой. Сила в его руке оказалась большой, сравнимой по Лениным ощущениям с силой какого-нибудь киборга из будущего.

– Я покажу «аусвайс», – спокойно сказал гость-киборг и, отпустив дверь, потянулся к карману на груди.

В последний момент, когда он уже почти запустил свою лапу под куртку, девушка, останавливая, дотронулась до его руки, отвела ее обратно вниз и сама потянулась к его нагрудному карману.

– Не напрягайся, паучок, – сказала она, с ехидным прищуром заглядывая ему в глаза, – я сама достану. А то... вдруг ты оттуда пушку выдернешь?

Оборотень молча согласился с досмотром. На его лице не дрогнул ни единый мускул. Он тоже смотрел девушке прямо в глаза, пока та не спеша шарила в кармане у него на груди, и гениальное спокойствие его лица должно было подтвердить, что ему совершенно все равно. Он позволил ей играть, но не собирался участвовать в этой игре. Лена почувствовала себя одиноко. Ей стало скучно.

– Да, «Лунное затмение». Не соврал.

Она засунула портмоне с документами обратно в его нагрудный карман.

– Ну, тогда пойдем за мной, Оборотень. Тебя здесь, ты прав, действительно ждут.

* * *

За городом весна была прекрасна. Снег лежал вокруг больших, уже подсохших черных прогалин плотными белыми горками, искрясь на теплом солнце, и не собирался таять, но солнце палило ярко и горячо. Птицы, обалдев в его лучах, будто старались наперебой рассказать друг другу свои зимние приключения.

А в городе все еще было слякотно. Солнце не успевало за день выпарить с асфальта и клумб снег, сохранившийся в тени высоченных домов. Подвяленный общим градусом весеннего воздуха, он лениво растекался под ногами прохожих, сползал на проезжую часть и отсюда, выдавленный шинами автомобилей, фонтанами выпрыгивал обратно на тротуары, будто издеваясь над слепыми из-за суетных мыслей пешеходами.

Лицо Лизы Таранковой до сих пор будто стояло у Глеба перед внутренним взором. Это сильно мешало ему вести машину, особенно в стужающихся сумерках. Он никак не мог отвлечься от напряжения прошедшего дня. Не спасали ни громкая музыка, ни пара чашек крепкого кофе в придорожных загородных кафе, ни мысли о следующем задании, для выполнения которого Сиверову надо было ехать в Одессу, к морю. Глеб, вопреки своим принципам, только ради того, чтобы как-то переключиться, даже попытался заставить себя построить планы будущего простого житейского отдыха, подумать о нескольких тихих днях на море, которые Потапчук ему твердо пообещал подарить после выполнения этого нового задания. Но у него ничего не получалось.

О пропаже Лизы Потапчуку и – сразу – Глебу стало известно пять дней назад. Ее отец был средней руки служащим московской мэрии. Потапчук, который пришел к Сиверову с просьбой разобраться по-быстрому с этим делом – помочь найти девочку, – сам удивлялся, почему именно Лиза Таранкова, почему именно этого мелкого чинушу решили зацепить бандиты?

– Ни денег у него, ни влияния, – разводил руками Федор Филиппович Потапчук. – Почему именно он попал под огонь? Сам Таранков уверяет, что не понимает, в чем дело. А потребовали бандиты у него за возвращение девочки много чего. Ты, Глеб, разберись, пожалуйста, аккуратно. Потому что девочку жалко. 14 лет – сложный возраст: уже соображает, а в душе сплошное чувство противоречия и непереносимость внешнего, стороннего давления. Девочка, говорят, хорошая – очень талантливая флейтистка, уже лауреат нескольких международных конкурсов.

– Ну и, как всегда, нельзя привлекать полицию и так далее?

– Как всегда, – согласился генерал ФСБ. – И это, Сиверов, официальное для тебя секретное задание. Открыто наши силы светить мы не можем, как ты понимаешь, а в тебя я верю. Постарайся как можно скорее и как можно тише.

Куратор запретил Глебу вступать в контакт с родителями девочки, но дал папку с подробным отчетом об их допросе плюс другие материалы. Впрочем, Слепой и сам понимал, что в данной ситуации лучше, если отец с матерью не будут знать о том, что проводится операция.

В таком случае они наделают меньше ошибок, которые могут вызвать подозрения у преступников.

Полиция прикрывала перед ними свое, так сказать, бездействие якобы необходимостью собрать побольше материала о деятельности господина Таранкова. Мол, тогда они смогут определить, кто держит на него зуб, кто возможный заказчик. Петр Васильевич Таранков, продолжая убиваться по дочери, категорически отвергал, что владеет какой-то конфиденциальной информацией.

– У меня нет тайн и нет предположений о том, чего они от меня могут хотеть! – упрямо повторял он раз за разом.

У Глеба тоже почти не было зацепок. Впрочем, именно в таких ситуациях Потапчук и прибегал к помощи своего тайного агента. Именно тут Глеб Сиверов, который имел кодовую кличку Слепой, не только потому, что неизменно носил темные очки, был незаменим. Он умел действовать практически вслепую.

Поначалу Глеб заподозрил простой шантаж. Слишком мало вводных давали преступники для родителей. Глеб потратил кучу времени, выслеживая связи Лизиных подруг, список которых был вложен в личное дело девочки. Пришлось внимательно, пристально искать хоть какие-то зацепки в школе и в студии бального танца, куда Лиза ходила заниматься дополнительно. По ночам он сидел в компьютерах и, вскрыв базу мэрии, естественно, не санкционирование, копался в документах департамента, где работал Таранков.

И после такой практически сутки напролет напряженной работы опять за руль... На третьем транспортном образовалась серьезная пробка. До дома Слепому осталось совсем чуть-чуть, но съехать на объездные маршруты было невозможно. Пришлось ждать, пока метр за метром машина приблизится к заветному съезду из этой толчеи. В такой ситуации воспоминания начали еще активнее вырываться из его уставшего сознания.

То, что ему так быстро удалось найти Лизу, было настоящей удачей. Потратив ночь на прополку архивов в департаменте, где служил Таранков, Глеб сразу выделил три направления для дальнейшего поиска. Надо было проверить семь ресторанов. Всем им за последнюю неделю отказано в разрешении на открытие. Две сети фитнеса. Эти хотели, но им не разрешали достроить спортивные залы, бассейн и одну лыжную базу (последняя, правда, была за городом, поэтому фигурировала в документах постольку поскольку, для комплекта). Несколько авторемонтных комплексов попали в поле его зрения только лишь потому, что, как и все, намеревались прибрать к рукам побольше территории в пределах Москвы, конечно, для новых ремонтных ангаров.

Лиза, когда ее нашел Слепой, была уже совершенно без сил. Издеваться над девушкой – насиловать, бить, связывать – похитители не стали. По каким-то причинам она нужна была им живой и здоровой. Но она отказалась есть. Из чувства протеста против насильственного удержания. И преступники сказали: «Не хочешь есть – не ешь!» Это был сомнительный гуманизм по отношению к человеку, насильно лишенному свободы действий и перемещения. Мол, если не хочешь что-то делать – ты вольна не делать. Но ты не можешь делать то, что ты делать хочешь.

Глеб не мог не думать о том, что нашел Лизу практически случайно. Конечно же, любой положительный результат – хорошо, и неважно, насколько он случаен! Но профессиональным кредо Глеба Сиверова было то, что случайности случаются только тогда, когда они хорошо подготовлены. В данной истории ему и в первую очередь Лизе просто повезло.

Еще одна бессонная ночь была посвящена изучению самих фирм, которые привлекли его внимание. Слепой тщательно исследовал не только суть конфликта мэрии с выбранными организациями, но и саму их деятельность. Днем он съездил на все неоткрывшиеся объекты. Его правилом было искать зацепку до тех пор, пока что-то не завладеет его тренированной интуицией полностью. О нет! Его интуиция не имела ничего общего с предчувствием экстрасенсов.

Его интуиция была интуицией кошки, которая по мизерным подсказкам, видимым только ей, складывает точное знание того, на каком расстоянии от нее и в каком направлении надо искать мышку. Но ни один объект не дал ему ни одной такой вот подсказки.

На следующую ночь Глеб вернулся к просмотру архивов Таранкова. Спустя три часа мужественной борьбы с уже хроническим недосыпом его мозг зацепился за тихий, мелкий сюжет. Петр Васильевич Таранков как координатор одной из комиссий по рассмотрению запросов на предоставление земельных наделов не так давно выдвинул предложение убрать из состава комиссии некоего Кудракова Геннадия Владимировича – руководителя партии «Народная земля». Предложение было одобрено. Глеб решил проверить и этого господина.

Сиверов аж проснулся и присвистнул, когда обнаружил, что этот самый Кудраков является бывшим соучредителем двух из выбранных им авторемонтных комплексов. Правда, каждый из них он создавал в разное время. Но и один и другой продал, поэтому его имя сейчас не фигурировало в деловой документации.

Хотя... Точно! В делах каждого из предприятий были упоминания о Кудракове, но Глеб чуть не упустил их, просто пролистав информацию как устаревшую. Но все же подсознание не подвело! Оно включило сигнал, когда в следующий раз Глеб встретил это имя, и заставило обратить на него внимание. Значит, успех был не таким уж случайным. Или (Слепой улыбнулся своим мыслям) любая случайность – это подготовленное событие.

Фокусируя внимание теперь уже на Кудракове, он составил список объектов, к которым тот имел отношение в последние пять лет. Для начала, Глеб решил ограничиться только этим объемом работ.

Лизу держали именно там, куда Слепой решил наведаться в первую очередь. В тридцати с лишним километрах на север от города.

От холода и голода девочка была совершенно истощена. Ее волосы слиплись в сосульки, вокруг ее глаз образовались черные круги, ее губы пересохли и потрескались. Похоже, довольно долго она не только не ела, но и не пила.

Когда Слепой приоткрыл дверь гаража, Лиза тут же попыталась отползти куда-то подальше. Сначала Глеб думал, что она прячется, потому что испугалась его, но скоро понял, что девочка просто отвыкла от света и теперь ее глаза болезненно реагируют на яркие лучи, неожиданно ворвавшиеся в темницу.

– Э! Царевна Несмеяна! Вот где твое заточение. А где Кощей Бессмертный?

Лиза остановилась, повернула голову и внимательно посмотрела на вошедшего. Видимо, осознав, что это не ее мучитель-пленитель, а кто-то другой, тот, кто ей не опасен, она вдруг расслабилась и потеряла сознание.

– Э! Царевна Несмеяна! – еще раз обратился к ней Сиверов. – Ты что это надумала. Всё, всё, милая, закончилось. Сегодня нам повезло.

Глеб поднял девушку, перенес ее на стоявший в углу дырявый и грязный топчан. Затем Слепой очень аккуратно смочил ей водой губы. Кормить девушку он не стал. Лучше будет, если это сделают врачи. Лиза стонала, но в себя полностью не приходила. По крайней мере, глаза она не открывала ни разу, спасителя своего не видела.

Когда специальный агент ФСБ убедился, что девушка в порядке настолько, насколько это возможно в таких условиях, он вышел на улицу, прикрыл дверь, чтобы на нее не дуло, и набрал номер Потапчука. Шеф ответил сразу. Потапчук знал, что, если Сиверов звонит, значит, ему действительно надо.

Глеб назвал адрес и доложил о состоянии подопечной.

– Все понял. Высылаю машину к тебе и поднимаю бригаду реанимации в больницу. Я тебе перезвоню.

Спустя три минуты Потапчук позвонил Слепому.

– Кто там был кроме тебя? – с ходу спросил Потапчук.

– Никого не было, никого нет. Я ее одну не оставлю, Федор Филиппович. Я присмотрю за территорией, пока ваши люди едут, и испарюсь, как только увижу их приближение. Все устрою, чтобы они думали, что до них тут никого не было.

Потапчук ухмыльнулся:

– Благодаря тебе, Глеб, уже восемьдесят процентов моих успехов покрыто тайной.

– Я не виноват, шеф! – Глеб тоже рассмеялся. – Пришлите, Федор Филиппович, толковых следователей. Я-то сейчас осматриваю место, минут двадцать у меня есть по-любому, пока ваши приедут, но пускай ребята осмотрят все предельно внимательно.

– Мы ищем что-то конкретное, Глеб?

Эх! Если бы он знал, что именно надо найти?! Он бы сам давно это нашел. Впрочем, Лизу он нашел. Но он-то как раз знал в этом случае, что ищет. Формально задание выполнено, но Слепому нюх подсказывал, что просто так забыть этого незримого Геннадия Владимировича ему не суждено.

– Не знаю, Федор Филиппович. Все необычно. Пускай обязательно оставят слежку за местом.

– Ну, это даже не обсуждается. Будем ждать возвращения похитителей до тех пор, пока не вернутся.

– Вообще, это странно, что тут никого не было. Даже с учетом того, что дверь была хорошо закрыта, а девочка настолько слаба, что двигаться уже не может. Либо они поменяли планы с похищением и выкупом, грубо говоря, выбросили ее прямо тут, либо вот-вот кто-то вернется. Я машину отогнал и наблюдаю из укрытия. Пока все тихо.

– Ты вышел на исполнителей или на заказчика похищения?

– Есть подозрения, но нет прямых доказательств. Считайте, товарищ генерал, что на этот раз нам просто повезло. Я искал практически наобум. И первое место, куда пришел, оказалось ее место.

– Я буду у тебя через час после того, как девочку доставят в больницу. Поговорим подробнее.

Слепому не волновало то, что Потапчук говорит коллегам, когда вдруг проявляет осведомленность в некоторых делах и неожиданно успешно разрешает проблемы без участия лучших специалистов департамента. К счастью, его должность и статус давали право иметь секреты. Но все равно всегда Слепой делал так, чтобы возникало как можно меньше недоуменных подозрений и следователи не удивлялись и не спрашивали у Потапчука о том, кто еще, кроме них, участвует в том или ином деле.

И теперь он, оставив Лизу, уехал так, чтобы никто не догадался, что он там был.

Заветный съезд с третьего кольца, выезд из этой неуместной пробки был уже совсем близко. Слепой набрал Потапчука.

– Федор Филиппович, я еще в пробке.

– Хорошо. Я тоже буду гораздо позже. У меня тут еще есть дела. Но я буду обязательно, сразу извини за то, что отберу у тебя часы сна.

Глеб выключил связь. Сонливость брала его в плен. И уже не помогали даже упражнения для разминки лицевой мускулатуры, которые обычно пробуждали в считанные секунды. Глаза набухали противной влагой, все время тянуло зевать. Глеб с сильным нажимом потер лоб и виски. И тут же сильная боль пронзила кожу, напомнив о досадном окончании сегодняшнего приключения.

* * *

Старый вишневый сад окружал корпуса широким кольцом, не давая звукам оживленной трассы беспокоить здешних обитателей. С трассы сюда пробирались разве что гости. После

каждого весеннего разлива речки, которая пересекала южный край сада, деревья густо цвели розовым туманом, но плодов уже не приносили – состарились. Однако сейчас до цветения было далеко. Еще не ушел снег, и по утрам землю иногда схватывал морозец. Судя по тому, что солнце в этом году светило активно, вытапливая, как говорится, снег на корню, серьезного паводка не ожидалось – снег испарялся, а не таял, уходя в просыпающуюся землю, откуда мог бы пойти обратно водами в распухающую речушку.

– Похоже, этой весной корпуса подтапливать не будет?

– Да, Дмитрий Степанович, мы думаем, что в этом году пронесет.

Молодой мужчина в строгом черном пальто и в шляпе, сильно прикрывающей лицо, как всегда, шел размашисто и вел себя так, словно главврач тут именно он. Это всегда смущало Аркадия Львовича. Но мужчина существенно помогал лечебнице, и поэтому главврачу приходилось его терпеть. Сегодня он явился вне плана. И хотя ничего фатального не последовало, это почему-то тоже раздражало Аркадия Львовича. Ему хотелось не только поскорее самому освободиться от посетителя, но и узнать, что тот вообще уже убрался с территории. Обычно этот тип, Дмитрий Степанович Петров, являлся два раза в год: осенью в октябре и весной на месяц эдак позже, чем сейчас, в апреле. Всегда в такое время, когда было либо еще, либо уже совсем тепло, и женщина, к которой он приезжал, спускалась к нему в сад. Дмитрий Степанович Петров говорил, что не переносит духоту ее палаты, поэтому всегда навевается так, «чтобы можно было погулять по этому прекрасному саду». Впрочем, где он проводит время, навеваясь в гости, – в палате у пациентки или на свежем воздухе, – не имело никакого значения. Аркадий Львович в принципе не любил встречаться с этим человеком.

– А в прошлом году вы нам очень помогли с ремонтом. В подвале третьего корпуса стояла вода, стена даже дала трещину потом, вы видели? Если бы не ваша поддержка, мы бы потеряли целый корпус. А сами такой ремонт мы бы не выдержали. Глубокая вам благодарность, Дмитрий Степанович.

– Да, весна в прошлом году была мокрая, – гость широко улыбнулся.

– А что вы так... несвоевременно, позвольте поинтересоваться? Обычно вы на месяц позже приезжаете. А сейчас, как понимаете, вам придется общаться со Светланой Васильевной в ее палате или в холле. Но в холле других пациентов много, сами понимаете. Случилось что?

Дмитрий Степанович Петров ответил не сразу. Сначала он шел, молча, глядя под ноги. Потом поднял голову и долго рассматривал что-то в небе. Как будто искал слова или, скорее, сдерживал какие-то яркие эмоции, которые не хотел выпускать наружу перед доктором, тем более психиатром.

– Или соскучились? В апреле-то, чтобы по нашему цветущему саду прогуляться, снова приедете? – спросил врач.

– Нет, в апреле не приеду, дорогой Аркадий Львович. Уезжаю я. Далекое. Надолго. Даже не знаю, приеду ли осенью.

Главврач почувствовал как будто какое-то даже сожаление. Или, возможно, он забеспокоился, что теряет существенную спонсорскую помощь.

– Но вы не беспокойтесь, я намерен взять у вас счет, куда можно будет переводить деньги на поддержание лечебницы. И прошу присматривать за ней получше. Она у меня одна. Хоть и...

Мужчина снова уставился на свои шагающие по мокрой дорожке остроносые лакированные ботинки.

– Может быть, я ее заберу через несколько лет. Надеюсь, что мне разрешат это сделать. А пока что вся надежда на вас, уважаемый Аркадий Львович, – он, продолжая идти вперед, панибратски возложил руку на плечо главврача, чуть не сломав его пополам.

Этот мужчина вроде бы был сыном Светланы Васильевны Шершневой, поступившей на излечение к Аркадию Львовичу более пятнадцати лет назад. Она поступила из другого пси-

хиатрического учреждения, для более тяжелых, чем у него, больных и провела там пять лет после страшного события в ее жизни – в шоке женщина зарубила на глазах у сына собственного мужа за то, что он изнасиловал и практически убил тогда же на глазах у сына их дочь и сестру мальчика.

В документах значилось, что у нее было два сына. Один, который родился на месяц раньше срока, прямо тогда же, на месте убийства дочери отцом и отца мстящей матерью, теперь жил в детдоме. Мать ни дня не могла о нем заботиться. Она сошла с ума от происшествия. Мальчика определили в дом для младенцев. Старший же сын, судя по документам, какое-то время тоже провел в детском доме, но в другом, потому что был довольно взрослым парнем, а потом, закончив школу, исчез. Впрочем, как узнал Аркадий Львович, младший сын тоже пропал неизвестно куда еще до завершения обучения в школе.

– Вы не общаетесь с братом? – осторожно спросил доктор.

– Хм. Нет. Мы потеряли контакт тогда, когда он убежал из детдома. Он всегда был тот еще задира и разгильдяй. Я боюсь думать, что могло с ним случиться, но найти его мне не удалось. Хм, если честно, я не очень-то искал. Периодически интересовался в детдоме, узнавал у бывших наших – никто о нем ничего не слышал. Он стал взрослым без меня. Он, собственно, не стал мне близким, когда был подростком, когда его перевели к нам, потому что у нас для той среды была довольно большая разница в возрасте, разные компании. Я за ним присматривал как мог, но он был агрессивным и колючим пацаном. Кажется, он даже вообразил, что это я во всем виноват. Я боялся его найти и снова наткнуться на могильный холод в его отношении. Когда я ушел из детдома, какое-то время еще следил за его судьбой, то есть узнавал, что и как, но в какой-то момент я его потерял. Он уехал из детдома вроде бы поступать в военное училище, но там так и не появился. Я пытался узнать о нем в разных училищах, но так ничего и не узнал. Потом я окончательно забросил поиски.

В тишине стало слышно, как плюхается на мокрую землю с голых веток талая вода. Птицы уже не пеи. Солнце садилось, становилось холоднее.

– А у вас он, кстати, не появлялся? – спросил Петров у доктора.

– Нет, знаете, не появлялся, – ответил тот.

– Ну да. Было бы странно.

Для Аркадия Львовича было непонятно, что странного в том, чтобы сын пришел в гости к собственной матери, где бы она ни находилась. Для него странным было то, что сын не приходил. Впрочем, может, жил где-то очень далеко.

Для Аркадия Львовича также было странным то, что этот человек, выдающий себя за сына Шершневой, носит фамилию Петров. Светлана Васильевна и в девичестве-то была Волкова, а не Петрова. Но спросить напрямую Аркадий Львович не решался. Да и не хотелось ему вступать в личные дела этого господина, не хотелось брать на себя его тайны.

Дмитрий Степанович мог бы быть сыном Шершневой, он себя именно так и позиционировал, так пусть так и будет. Тем более что он объявил о своем отъезде, значит, одной задачей будет меньше. Нет человека – нет проблемы, любил как бы в шутку цитировать Сталина Аркадий Львович.

Мужчины уже подошли к главному корпусу. Господину Петрову нужен был третий.

– Прошу сначала ко мне в кабинет. Там мы уладим все необходимые формальности, обменяемся координатами, чтобы не потерять друг друга, а потом уж прошу вас в гости к нашей пациентке.

Доктор так и не смог свыкнуться с мыслью, что Шершнева – мать этого Петрова.

– Да, Аркадий Львович. Это правильно. У вас, наверно, рабочий день скоро закончится. Чтобы вас не задерживать, давайте сначала разберем наши дела.

* * *

– Вот и наш архангел явился, орудие праведной мести. Что наш бывший партнер, кстати? – полюбопытствовал Игорь, когда Лена удалилась встречать гостя.

– Так до сих пор и не нашелся, – цыкнув, ответил Влад и сел в соседнее кресло; уже пустую бутылочку из-под рома он кинул в мусорку, как мяч в баскетбольную корзину. – Бинго! Всю жизнь мечтал о большом спорте. Как думаешь, из меня бы получился приличный спортсмен?

– Человек либо приличный во всем, либо недоделок, за что бы ни брался. Сам решай.

– А я полагаю, что человек может быть хорош или плох в разном, но действительно хорош будет обязательно там, где его место. Надо найти свое место.

– Если ты до сих пор его не нашел, то уже и забей. Делай то, о чем тебя просят. Только так сможешь приносить пользу окружающим.

– Хорошо, что не сказал «человечеству».

– Ты знаешь мое отношение к человечеству.

– Еще бы! На том и стоим! Ты делаешь все, чтобы стереть это вредоносное явление с лица земли. Даже по одному, но выводешь эту заразу методично и педантично.

Игорь ухмыльнулся, довольный собой, и отпил небольшой глоток янтарного напитка.

– Да. Если бы нашел способ, уничтожал бы их массами, как Гитлер евреев. Как всемирный потоп. Как Везувий Помпею.

– Ты – чудовище, Игорь.

– От слова «чудо». Я чудесным образом спасаю природу от тяжелой болезни под названием «человечество».

– Я все время удивляюсь тебе. Ты же сам – человечество.

– Что ты тогда до сих пор делаешь со мной?

– Бабло. Ты знаешь. Ты же все знаешь.

– По крайней мере, честно. Предпочитаю бизнес-отношения всяким идеологическим и психологическим зависимостям. Впрочем, эти овцы пускай зависят. Они нам надолго не нужны, а пока они блеют свое преклонение, мы их успеем обстричь!

– Не сомневайся. Как эта группа? Есть перспективные?

– Не понял пока. Есть один мужик. Он размышляет. Самостоятельно. Это плохо. Потому что вслух. Утомляет меня все время выворачиваться и его козни обращать на пользу делу. Это требует дополнительных мозговых усилий. Хотя, конечно, интересно. И потренироваться полезно.

– Зато не засохнешь, не расслабишься.

– Да, тренировка лишней не бывает. Надо быть всегда начеку. А вот и наш посланец с темной луны.

– Это Оборотень, – представила девушка вошедшего.

– Проходите, – предложил Владислав, дав Игорю возможность по-королевски снисходительно помолчать. – Лена, предложи гостю чего-нибудь. Чай, кофе, выпить.

– Чай? Кофе? Выпить? – переспросила Лена у Оборотня.

В этой комнате она вела себя совершенно бесстрастно и придерживалась деловой манеры общения. Оборотень отказался что-либо пить. Владислав поднялся со своего места, взял стоявший около стены стул и, перевернув его задом наперед, тут же, совсем рядом, уселся на него верхом, как на коня. Вся большая комната осталась отрезанной у него за спиной. Таким образом он вынудил гостя устроиться в кресле рядом с главным и замкнул их круг общения. Разговор предполагался серьезный и доверительный.

– Скажу сразу, – начал Игорь, – нам надо убить человека.

Во время паузы гость бесстрастно смотрел прямо на него. Но его взгляд нельзя было назвать тупым. Не возникало ощущения, что, возможно, он глухой, или не слышит, или не понимает, что с ним не шутят, что не играют. Игорь не выдержал паузу и, сдавшись, продолжил:

– Раз Старший прислал тебя, значит, так будет лучше для дела. Ему я верю, как себе. Значит, ты и есть тот самый сообразительный и творческий, при этом еще и твердый как скала, о котором я просил.

Гость молчал, не двигался и смотрел.

– Тебе Лена нравится? – вдруг довольно зло спросил хозяин кабинета и чуть на какой-то миг прищурился в напряженном внимании, он хотел не упустить ни одной даже микрореакции этого кандидата на исполнение его воли.

Оборотень, повернув голову, прямо посмотрел на девушку. Она сначала приосанилась и чуть наклонила голову в выгодный по ее мнению ракурс, но тут же стрельнула глазом на брата, на Игоря и, расслабившись, отвернулась, занялась какими-то бумагами.

– Ну? – Игорь нетерпеливо поторопил парня.

Оборотень поднял одну бровь и, продолжая нагло рассматривать девушку, сообщил, как будто читал заключение эксперта по экстерьеру коров:

– С точки зрения банального обывателя, у нее хороший экстерьер, она аккуратна, немного эпатажна, но не до такой степени, чтобы напугать даже первого стеснительного скромника, скорее наоборот, она интригует и привлекает внимание. Хочется узнать, насколько эта форма соответствует содержанию, и если соответствует, то можно бы и подумать о том, как доставить себе удовольствие в общении с таким экземпляром.

Владислав уже уткнулся лбом в спинку стула и тихо скисал от желания хохотать во все горло. Он даже не рисковал взглянуть на сестру. Игорь же с удовольствием смотрел на девушку. Удовольствие он получал двойное. Во-первых, ему нравилось то, как точно этот парень понял ее, нравилось находить в Лене подтверждение каждому его слову. Во-вторых, ему нравилось то, как девушка металась и путалась в своих чувствах. На ее лице сталкивались, взрываясь, и благодарность за хорошую оценку и возмущение наглостью, возмущение тем, как он посмел. В глазах и изгибах губ мелькали и негодование оттого, что ее «раздел» совершенно чужой человек, а брат и Игорь это ему позволили, и гордость за саму себя. Еще, кажется, она была немного недовольна совершенно холодными интонациями, будто он говорил о картинке, а не о живом человеке, который слышит, реагирует и может, между прочим, обидеться. Она же не безмозглая корова, в конце концов!

– Впрочем, я думаю, – немного задумчиво подвел итоги гость, – что форма вполне соответствует. По богатству и глубине эмоций, которые сейчас пережил наблюдаемый объект, она – совсем не безмозглая овца.

– Спасибо, что не корова! – взорвалась, не выдержав, Лена. – Это просто... какой-то разгул хамства!

Влад захохотал. Игорь широко улыбнулся и залпом допил свой коньяк. Гость снова сидел, не выражая никаких эмоций. Он спокойно смотрел на главного и терпеливо ждал, когда тот решит закончить разговор и выдаст полное задание.

– Ну ты даешь! Не ожидал! – все еще улыбаясь, похвалил его Игорь. – Ты, парень, не без чувства юмора. Только я так и не услышал ответ на мой вопрос. Тебе она нравится?

И тут Игорь понял, что снаряд наконец зацепил бойца. На какую-то долю секунды парень изменился в лице, его губы чуть сжались, а нижние веки чуть дернулись.

– Ну? – наступал на него Игорь.

– Я думал, – теперь уже Оборотень не поворачивался в сторону Лены, будто ее и не было никогда, а смотрел только на Игоря, – совершенно очевидно то, что мне самому нравится все названное мной как положительные характеристики этой девушки. Но если вам важно, чтобы я сам сделал этот вывод и его озвучил, пожалуйста. Да.

– Сухарь и зануда... – проворчала девушка и резко засунула несколько листов, которые просматривала все это время, в трей.

– Да, дружище, повеселил! – выпрямился наконец Владислав. – Думаю, Ленка тебе этого не простит. Она не любит, когда мужчины к ней вот так вот цинично равнодушны.

– То, что я не показываю эмоций, не значит, что у меня нет души и что я ничего никогда не чувствую.

– Ого. Сестренка, посмотри, похоже, он в тебя все-таки влюбился.

– Я говорил вообще, а не про этот конкретный случай. И Старший мне сказал, что я должен прийти, чтобы помочь вам в каком-то деле, в каком – мне скажут тут. Я не думал, что это дело – баб обсуждать. И тем более быть тут для вас клоуном. Это – неэффективное использование ресурсов, на подготовку которых затрачено много усилий.

– Разговорчивый какой! – фыркнула Лена.

– Мы сами решим, как нам лучше использовать ресурсы, за которые мы же и платим! – рассердился Владислав.

Оборотень сидел в той же позе, так же смотрел на Игоря, не выражая ни досады, ни обиды, ни негодования. Его лицо по-прежнему ничего не выражало.

– Успокойтесь, он дело говорит, – кинул Игорь помощникам, а потом обратился к парню: – Я хотел проверить, насколько и в чем ты уязвим.

И снова тишина. Игорь понял, что нельзя бесконечно испытывать гостя дешевыми психологическими приемами, в конце концов, он предназначен не для того, чтобы думать и беседовать, и, раз он сейчас тут, раз Старший выбрал его, значит, на своем месте он хорош и даже творческую смекалку проявит, если потребуется, что, впрочем, парень только что и доказал.

– Итак, Оборотень, нам надо убить человека. Но эта задача не из тех, что проще простого. В случае «убить проще простого» у нас есть два варианта. Первый. Нам проще простого сделать так, чтобы человек как бы сам решил уйти из жизни. Не только добровольно, но и самостоятельно. Даже с какой-либо мудреной запиской, чтобы следствие еще поинтересовалось, не состоял ли он на учете в психиатрии. Второй. Мы нанимаем тех, кто никак не связан с нами или нашими структурами. Тех, кто появился, взял портрет и адресок, взял задаток и исчез. Мы через время узнаем, что наш клиент скорее мертв, чем жив, переводим остаток оговоренной оплаты за услуги на заграничный счет, названный при первой встрече, и забываем о том, что когда-то встречались. Твой случай, точнее, случай, которым придется заниматься тебе, совсем не такой, как обычные, как «проще простого» случаи. Мы клиента потеряли. Совсем. При этом он не просто клиент, он наш еще недавний компаньон. Он знает явки, пароли, тайны и даже один секрет, который нам бы тоже хотелось знать.

Мужчина вдруг замолчал, задумался о чем-то своем, затем резко встал, вышел из доверительного круга на середину комнаты, глянул на какой-то документ у Лены на столе, затем резко вернулся, сел обратно в кресло, но сел на край, как птица на жердочку, и наклонился к Оборотню всем корпусом:

– Понимаешь, солдат, очень нам нужен этот секрет. Черт бы с ним, с самим клиентом. Но секрет...

– Я должен его найти и обеспечить вам к нему доступ, да так, чтобы клиент с радостью выложил вам при встрече этот секрет. Я правильно понимаю задачу?

– Совершенно!

Игорь с облегчением откинулся в кресле. Всегда приятно, когда тебя понимают с полуслова. Правда, часто дальше понимания дело не идет. Увы, все время надо все контролировать.

– И вам он нужен только живой. Если, например, так сложится, что он сольет свой секрет перед смертью, сольет мне, последнему, кого увидит живым?

Игорь снова превратился в натянутую струну.

– Нет! Категорическое «нет»! Ты не должен у него ничего выпытывать. Ты можешь перепутать, неправильно понять и тогда – пиши пропало. Тогда все насмарку. Столько лет работы! Он нужен нам живым. Живым настолько, чтобы мог изложить нам, именно нам, то, что мы спросим...

– По телефону? Поймите, – Оборотень поспешно прервал хозяина кабинета, видя, что тот снова расстраивается и уже близок к негодованию, – я уточняю, чтобы не допустить досадную ошибку. Вы же не хотите, чтобы я ошибся, правильно?

Мужчина, поджав губы, ненадолго задумался, потом снова откинулся в кресле.

– Хорошо. Я готов ответить на все твои вопросы. Спрашивай, что тебе можно будет с ним сделать, что нет. Где он живет, чем увлекается, кого любит и что ненавидит. Скажем все, что знаем. Но сразу имей в виду то, что это – наш бывший компаньон, мы на него очень сердиты, но слить его – значит слить наши секреты. Ты, как верный боец своего отряда, должен понимать, что это значит. Светить нас нельзя. И второе. Мы уже предприняли все очевидные и массу неочевидных способов найти клиента. Бесполезно. Возможно, его уже нет в живых. Но ты достань нам его из-под земли. Я все сказал, что хотел. Теперь спрашивай. Мы готовы отвечать.

* * *

В одном из барачков обнаружился довольно высокий чердак. Оттуда была прекрасно видна вся дорога, вся до самого съезда на шоссе к Москве.

Вечер был зябким, темнота сгущалась, но это не пугало Слепого. Тишина ожидания для него была одним из любимых состояний. Холод поддерживал бодрость и внимание, а в темноте даже лучше видны приближающиеся машины. К тому же Глеб, если не включит фары, сможет убраться незамеченным.

Слепой достал сигарету и зажигалку. Курить ночью на улице, за городом, в спокойной темноте и тишине ему всегда нравилось. Так лучше ощущался вкус дыма. Огонек по сигарете полз размеренно, без спешки, и было хорошо видно, как он вспыхивает с утроенной силой, пропуская через себя воздух в легкие. Прямо над горящим пеплом клубился дым с красно-оранжевыми отблесками. К тому же, когда куришь, не так сильно донимает холод.

Глеб закурил уже третью сигарету, когда наконец с трассы свернула машина и на полном ходу понеслась по бетонке. Учтывая то, что эта дорога кончалась тупиком, в чем агент ФСБ, не доверяя картам, специально убедился лично, стоило полагать, что машина мчит именно к ним.

В три прыжка Глеб спустился с чердака. Приехавший «аутлендер» стоял прямо у ворот, но Сиверов сразу поспешил к ангару, где оставил Лизу. Девочка все еще спала, свернувшись калачиком под пледом, который Глеб принес для нее из своей машины. У него было много полезных вещей – на всякий случай. Через некоторое время черный «mitsубиси аутлендер», не включая фар, очевидно чтобы не засветиться, отъехал от ворот и аккуратно спрятался в кустах в сторонке, на боковой гравейке. Глеб Сиверов, даром, что к нему приросла кличка Слепой, прекрасно видел, даже в темноте.

В подкатившем внедорожнике сидели отнюдь не сотрудники отдела спецрасследований Федеральной службы безопасности. Оттуда выпрыгнули двое, один высокий и накачанный, другой – щуплый и пониже. Глеб понял по жестикеляции, что гости, или скорее хозяева, удивлены, что их территория открыта. И действительно, он же не закрыл за собой ворота! Глеб рассчитывал, что сюда едут его почти что коллеги, а им было бы все равно, открыты ворота или нет. А вот эти граждане явно знали, в каком состоянии оставили двор, и явно что-то заподозрили.

Не ожидая, пока хозяева закроют ворота на большой амбарный замок, Глеб выбрался из убежища и направился на встречу с неожиданными гостями. Те загнали «мерседес» во двор и

вышли закрывать ворота вдвоем, держа в руках по взведенному пистолету. Они оба постоянно озирались по сторонам, готовые отразить любую атаку. Тут-то они и заметили Глеба, который выходил из леса.

В зубах он пожевывал сигарету, его руки были опущены, никакого оружия он не держал и растерянно осматривался по сторонам, словно соображая, где очутился. Его немного пошатывало, будто был он неслабо пьян.

Оба визитера на миг растерялись. Потом, придя в себя, они покрепче сжали свои пушки.

Слепой не стал давать им возможности окончательно опомниться, он предпочел взять инициативу в свои руки.

– Пацаны, а это ваша база, да? Я тут погреться хотел, да думал еды какой найти. Вы простите меня, пацаны. Три дня гуляли девять дней по другу, вместе срок мотали, перо он словил. Так вот, как гуляли, помню, а потом вдруг – бац! В лесу проснулся. Во, беленькая в кармане была.

Глеб неуверенными движениями вытянул из нагрудного кармана куртки початую поллитру водки. Он только что около своей машины отлил чуток из бутылки, чтобы выглядело правдоподобнее. Бутылку он взял из своих фирменных запасов «на всякий случай».

– Будете, мужики? Холодно! – пошатываясь, он протянул бутылку незнакомцам.

Визитеры отказались, ссылаясь на то, что дела и что за рулем.

– Ну, обижаете, мужики! За друга моего. Сами ж не знаете, что ждет. Перо и тюрьма – наша братва, мужики. По пятьдесят, а?

Хозяева заброшенной базы явно уже начали раздражаться его навязчивостью, но зато Глебу удалось снять подозрение и напряжение. Они хотели от него избавиться, но угрозы не чувствовали.

– Вы простите, мужики, что я ворота-то того! Я хотел погреться и поесть. Думал, есть там что...

Глеб рисковал, но делал это сознательно.

– Ты, синий, что, на базу залез? – злобно спросил тот, что поменьше, похоже, он был мозгом этой парочки. – И куда ты там, сволочь, залез?

Тот, что повыше, наверняка мышцы компании, угрожающе пошел на Глеба, явно намереваясь потрясти его за грудки.

– Да куда я залез, вы что! Там двери все закрыты, а я – с голыми руками. Вон, перчаток даже нет, мужики. Подергал впустую, ну, на чердак слазил. Подремал малек. Но там сквозняк.

Громила остановился на полпути к Слепому. Глеб предусмотрительно глотнул из бутылки.

– Ты того, не наступай, а? Я ничего не сделал! У меня друг... Девять дней! Мужики, может, по двадцать, за парня? Он мне как брат был.

Громила сплюнул и начал отступать.

– А я домой по дороге пошел, когда еды не нашел, а фары увидел – испугался. В лес спрятался. А после того, думаю...

Глеб видел, что уже порядком достал этих двоих и они уже заканчивали чинить петли на воротах, готовые вот-вот их закрыть, отрезав путь на территорию как ему, так и группе оперативников, которые вот-вот должны нагрянуть.

– И я подумал, что ребята наверняка свои. Абы кто на брошенную базу ночью не поедет. Подойду, а там как будет. Вы же либо намылитесь обратно, и я с вами попрошусь, либо вы с хавкой приехали – погулять в природе или посторожить чего. Я правильно раскинул, а, мужики? А-а-а! У меня голова, мужики! И я не с пустыми руками, у меня вот, водяра есть. А? Возьмите в компанию. Обещаю сидеть. Тихо. Как мышь. Мне б погреться где малек, а?

– Ну ты достал, синяк! – рыкнул на него мелкий. – Не будем мы тебя никуда брать. Сам выбирайся. А еды нет. Мы ненадолго. Нам не надо хавчик.

– Шнырь, там в багажнике колбаса для этой... – верзила осекся, но мотнуть головой в сторону ангара с Лизой успел, в ответ на что получил прямо-таки простреливающий насквозь злобный взгляд напарника. – Ну, колбаса завалялась, третий день. Для собаки возил. А теперь уже не надо будет. Давай я отдам этому. Все равно испортится, машину завоняет. И пусть валит. Все равно эта... собаке нашей... больше не надо, того...

– Ладно, – согласился Шнырь. – Давай быстро и гони его вон. Я с замком закончу.

Громила нырнул во двор. Там открылась дверь машины. Глеб, изображая пьяное пошатывание, пошел к мелкому.

– Вот спасибо мужики, вот благодарю вас, век не забуду! Если что, обращайтесь, Колька Бурый всегда за вас горой встанет. И ребята мои.

– Э, – воспротивился развитию дружбы Шнырь, – ты отвали, понял? А то пулю в лоб словишь, понял? Эй, Корч, ты там где? Давай быстрее. Недосуг мне этого алкаша развлекать.

– Ну, мужик, Шнырь, да? Ты же нормальный парень, Шнырь! У вас там, кстати, вон в том ангаре, – Глеб показал прямо на дверь, за которой спала Лиза, – кошки, похоже, завелись. Ты знал? И у них того, свадьба, похоже. Там весь день стонало и ныло. Спать мне на чердаке мешало.

Шнырь насторожился. Посмотрел на Глеба, который за время своего рассказа про стоны в ангаре подошел уже совсем близко. Шнырь, загипнотизированный опасностью быть раскрытым, потерял бдительность. Он пытался сейчас сообразить, что делать: нейтрализовать этого болтуна или прикидываться, что ничего странного не происходит, надеясь на «авось пронесет»?

– Ты что, не веришь? Вон в том сарае!

Слепой, поддерживая свои слова, еще раз махнул рукой в сторону двери, и тут Шнырь поддался и повернул голову в указанном Глебом направлении. В следующий момент он получил сильный удар бутылкой по голове и рухнул на подмерзшую к ночи корку снега.

Глеб рванул во двор. Там Корч, уже нашедший обещанную колбасу, озадачился нештатным шумом у ворот. Слепой подскочил к открытому багажнику и, как раз в тот момент, когда громила попытался развернуться в его сторону, с силой хлопнул дверью ему по голове.

Голова оказалась крепкой. Корч не пожелал сразу отключиться. Чуть пошатнувшись, он все же успел широко размахнуться и врезать Глебу что было мочи своим стальным кулаком. Удар пришелся в лоб. Хорошо, что не ниже.

На несколько мгновений у Слепого в глазах потемнело, но он еще до этого успел еще разок – лишнего в подобных случаях не бывает – хлопнуть дверью багажника о голову громилы. На этот раз наконец результативно. Корч отключился и повалился в свой багажник.

– Вот это ты хорошо сделал, правильно. Послушный мальчик!

Глеб пытался запихнуть громадные ноги в машину. Они не складывались. После еще пары тщетных попыток Слепой решил, что это тело и так уже достаточно глубоко лежит и, с учетом его природной тяжести, не вывалится.

Действовать следовало быстро: вот-вот могли появиться люди Потапчука. Сиверов запрыгнул на водительское место, аккуратно, чтобы не вытрясти из открытого багажника и без того полусвешенное наружу тело громилы Корча, выехал за ворота, ввалил на заднее сиденье все еще неподвижное тело Шныря и двинул по проселку. В лес он свернул около своей машины. Остановился, захватил хлороформ и две бутылки водки и проехал еще немного вглубь. Там пришлось подусыпать начинавших приходить в себя громилу и шуплика, а потом оттащить их еще дальше в лес. Глеб решил на ночлег развезти их в разные места, поселить на природе на расстоянии друг от друга. Вдвоем-то им будет легче выбраться и после натворить шуму на базе. Каждому в карман Слепой засунул по бутылке водки – все же они очень замерзнут, пока проснутся, валяясь тут на холодной земле. Машину Слепой отогнал обратно, к своей. Там и оставил.

Как раз тогда, когда Слепой пересаживался из захваченного «гелендвагена», он услышал шум быстро приближавшихся машин, а вскоре и увидел сквозь ветки свет фар. И почти сразу же перед ним промчались в сторону промзоны три автомобиля.

Это были свои. Было что-то родное в том, как они шуршали по асфальту, как покачивались и подпрыгивали. Даже в том, как светили фары. Глеб подошел поближе к дороге, он знал, что его все равно никто не заметит в этой темноте. Провожая оперативников взглядом, он достал сигарету, щелкнул своей любимой «зиппой», пару секунд посмотрел на мягкое пошатывание огня, взял сигарету в рот, поднес к ней зажигалку и втянул густой дым.

Теперь, стоя в пробке, Глеб тоже курил и вспоминал то, что произошло. Наконец он проехал рукав и вплотную приблизился к повороту с третьего кольца на Щелковское шоссе. Дом был уже совсем рядом. На Щелчке пробки не было. Скоро можно будет забыть обо всем и отдохнуть. Если Федор Филиппович не придумает новое срочное развлечение. Ах да! Потапчук! Глеб взял телефон и нажал кнопку вызова два раза.

– Я уже жду тебя. Ты когда будешь?

– Через пятнадцать минут буду дома. Даже десять. Вы сказали зажечь свет на базе, чтобы видно было издали, что там кто-то есть?

– В общем, да. Но...

– Хорошо! – перебил Глеб. – Я вас жду через пятнадцать минут.

– Буду через пятнадцать.

* * *

Оборотень уходил, когда было уже совсем темно. Во время их разговора тот мужчина, которого звали Владиславом, три раза залазил в бар, несмотря на протесты Лены, кажется сестры этого Владислава и помощницы Игоря Леонтьевича. Каждый раз он выуживал оттуда очередную чекушку рома и размеренно ее выпивал. В конце концов он просто заснул в дальнем углу комнаты в совершенно неудобной позе. В каком-то воодушевленном порыве он перенес свой стул на это место и уселся на него верхом, как на лошадь. А потом и заснул, положив голову виском на ребро спинки. Начальник, как определил его Оборотень, делал вид, что ничего ненормального не происходит. Этот человек очень хорошо владел своими чувствами. Оборотень решил, что если поведение Владислава и не находилось в пределах нормы для этой компании, то Игорь Леонтьевич предпочел разобраться с ним потом, без посторонних ушей.

Лена пошла провожать гостя.

– Вызови машину, я скоро уезжаю, – кинул ей начальник. – С этим телом разберешься потом сама.

– Вообще-то, – зачем-то начала извиняться Лена, когда закрыла дверь кабинета и они с Оборотнем остались одни в приемной, – он малопьющий. Просто у нас в последнее время дела расклеились, брат все время в напряжении, от Игоря одни упреки и нарекания. Он считает будто это Влад виноват в том, что Димон сорвался и потянул за собой документы. А я думаю, что Игорь и виноват. Он слишком увлекся своим воображаемым могуществом...

– Почему у вас в приемной нет секретарши? – вдруг перебил ее Оборотень, резко меняя тему. – Диваны есть, значит, вы предполагаете посетителей, а секретарши нет.

– Хм. Когда есть посетители, я ими занимаюсь. Впрочем, они у нас очень честные, боятся Игоря. К нему приходят только те, кто уже готов склонить перед ним и колени, и головы, и все свое богатство. А почему ты решил тему поменять?

– Я не обсуждаю тех, кто дает мне задания. Я не обсуждаю задания. Я их просто выполняю.

– А меня, значит, обсуждать ты считаешь возможным, да?

– Это было задание.

– Это был вопрос для ответа в форме «да» или «нет». Ты неточно выполняешь задания. Ты плохой мальчик.

Они уже давно стояли около двери в коридор. Оборотень всем своим видом демонстрировал намерение поскорее выйти, для чего Лена должна была отпереть дверь, но девушка не спешила, она увлеченно болтала, покручивая ключ на пальце.

– Это было испытание. Ты – женщина, нормальная женщина. Но именно это мешает тебе понимать то, что иногда происходит между мужчинами.

– Да ничего сверхъестественного между вами не происходит. Вы прямые, как жерди в заборе.

– Ты не учла действительного желания твоего босса в тот момент.

– Ой! Ты его знаешь лучше, чем я?

– Тебя он натренировал выполнять его прямые команды. Мужчине так проще общаться с женщиной. А меня учили тому, что любая ситуация – это как болезнь. Чтобы ее развести, надо понять, в чем корень. Суть. Твой хозяин...

– Он не хозяин, а шеф. Я – не рабыня ему.

– Твой шеф, – даже не подумал извиниться Оборотень, – хотел вывести меня из состояния, наблюдать которое ему было некомфортно. Он не понимал, что я думаю, как я думаю. Ему не было интересно узнать мое настоящее мнение. Он остро нуждался в том, чтобы изменить мое поведение. Если бы я ответил «да» или «нет», я бы ничего не изменил. Я бы начал его раздражать, и он бы не стал со мной работать. А отряд в лице Старшего получил бы выговор. Я – какое-то наказание. Так что я выполнил задание твоего... шефа. Я вышел из состояния максимального внимания. Я удивил его и позволил ему расслабиться, убедившись, что рассуждать я могу. Судя по всему, ему понравилась моя манера и мысленные способности.

– Так «да» или «нет»?

Оборотень молча уставился на девушку. Они смотрели в глаза друг другу, каждый желал победить и не сдаться, додержаться на своем до тех пор, пока сопернику не надоест, пока другой первым не ответит взгляд.

– «Да» или «нет»? Без подвохов и разных планов. Женщине так проще общаться с мужчиной.

– Коллекционируешь «да»?

– Значит, «да». Ты полагаешь, что я привыкла к тому, что мне все говорят «да», что я не боюсь услышать «нет». И тебе жалко меня обидеть. Значит, все же «да!».

– Да. И что? Ты сейчас откроешь дверь, и я заберу это «да» с собой навсегда. Мы больше не увидимся. Тебе пора идти. К тому же ты забыла вызвать машину. Открой дверь.

Вдруг Лена взялась ладонью за тыльную сторону его широкой шеи и потянула парня к себе. Она поднялась на носочках навстречу и впиалась губами ему в губы. От ее кожи приятно пахло. Губы были уютные, нежные и отзывчивые. Оборотень сдерживался только пару секунд, а потом подумал: «Почему бы и нет?» – и вкусил ее поцелуй.

– Это тебе довесок к твоему «да», – сказала девушка, когда удовлетворила свое любопытство и коварство, – чтобы крепче помнил и лучше хранил. И не зарекайся ни в чем: может быть, еще и увидимся.

– Вряд ли, – отрезал Оборотень таким холодным, равнодушным тоном, что у Лены глаза стали еще шире от удивления.

– И это после того, что было между нами?! – наигранно воскликнула она, но голос дрогнул, предательски рассказав, что она не ожидала снова равнодушия, удивлена и обижена.

Оборотень взял ключ у нее из рук, сам отпер дверь и, выходя, не глядя коротко сказал:

– До свидания.

– Скала, а не человек, – улыбаясь, крикнула Лена ему вслед. – Как тебя хоть зовут, Оборотень? Я хочу повторять по ночам твое имя!

– Стас, – сказал парень негромко.

– Стас... – тихо повторила Лена, набирая номер водителя шефа. – Хорошо, Оборотень, я запомню. Алло? Петрович? Да, это я. Приезжай, Игорь ждет.

Оборотень раскрутил один заворот шапки и натянул ее глубже на уши.

– Что-то я замерз, – буркнул он сам себе, поднял воротник, втянул голову в плечи и шагнул в мелкую ледяную морось мартовского вечера.

Он шел на Белорусский вокзал, откуда электричка за двадцать минут довезет его до казармы, которая стала его домом. Сзади остался ореол светящегося, как хрустальный замок Золушки, входа в библиотеку, где обустроился главный офис общественной организации «2012, начало». Они, как поговаривали товарищи Оборотня в отряде «Лунное затмение», на правах какого-то партнерства имели тут комнаты для так называемой приемной и директорского кабинета, а еще несколько раз в неделю им давали время использовать актовЫй зал для проведения лекций.

Пацаны судачили, что существует еще несколько отрядов наподобие «Лунного затмения», но те ставят перед собой другие задачи. А их положение было особым, им поручали особые, самые ответственные задачи. По сути, Оборотень оказался в рядах боевой элиты этой сложной сети с не совсем понятными для него целями и идеями. Другие отряды выполняли различные мелкие текущие работы. Например, группа «Апокалипсис» несла регулярную охранную службу на каких-то базах, где вроде как жили так называемые адепты общества. Это были люди, отказавшиеся из-за своих религиозных или философских взглядов от дальнейшего общения со смертным человечеством. Они жили замкнуто, никогда не покидали территорию, говорят, даже не разговаривали друг с другом. Вроде они даже ничем не занимались. Еду им покупали и готовили специально обученные люди из отряда «Фатум». Причем там не было лиц женского пола. Только парни. Из «Фатума» можно было со временем перейти в охранной «Апокалипсис», это считалось карьерным ростом. Несколько человек из «Апокалипсиса» были переведены в «Лунное затмение». И никогда нельзя было попасть из «Фатума» напрямую в отряд, где имел честь числиться Оборотень. Причем он сам не проходил закалку ни в одном, ни в другом. Он попал сразу в «Лунное затмение». Более того, каким-то образом в отряде установилась странная иерархия: те, кто попали сюда напрямую, котировались как бы рангом выше, считались «белой костью», а те, кто прошел чистку «Фатумом» и «Апокалипсисом», навсегда оставались второсортными. Оборотень не стремился поддерживать это негласное правило, но так сложилось, и временами казалось, что «пацаны с историей», как их назвали в «Затмении», сами подстраивались под порядок особого почитания «прямых избранных», как назвали подобных Оборотню везунчиков во всех отрядах сети «2012, начало».

Само же предназначение всей сети в целом формулировалось как «Спасение страждущих от мук грядущего конца света». Это приходилось хором повторять на утренних и вечерних построениях, потому вбилась в память. Но не в сознание Оборотня. Он относился ко всему этому как к своей работе, где неплохо платят, вкусно и регулярно кормят да еще и уважают. Уважение, выбитое им же самим: жесткими ломками собственной гордыни, тренировками до крови на мозолях, терпением чужих притязаний и смелыми отпорами непотребной наглости отрядных выскочек, – он ценил больше всего. Потому что, когда он был маленьким, он этого не имел. Когда он был маленьким, он только мечтал ответить силой на силу, унижением на унижение. Он мечтал быть сильнее всех. Теперь, кажется, у него это получилось. И вот он получил первое свое задание, в котором уже он будет командир, он сам или с отобранными им же помощниками будет управлять процессом. Он будет главным. Все будут выполнять его задания, а он – не будет. Он явно сумел построить свою жизнь.

Задание, правда, казалось парню довольно мутным. Начали они с того, что надо просто ухлопать кого-то. Потом оказалось, что прикончить его как раз нельзя ни при каких условиях.

«Интересно, – вдруг подумал Оборотень, – в каких отношениях эта Лена с ее шефом? И почему меня это вообще заинтересовало? Меня это не касается, поэтому мне это неинтересно».

Но образ Лены, ворвавшись, нагло устроился в самых первых рядах его сознания и ни под какими пинками со стороны его силы воли не соглашался уйти. Казалось даже, что чем больше он его выпихивает вон, тем ближе к экрану он оказывается, тем крупнее делается Ленино лицо, тем больше становятся ее глаза, тем глубже они смотрят в него.

Оборотень помнил, что на одном из занятий по азам психологии им рассказывали о древнем самурайском учении, в котором говорилось о подобном явлении, кажется, что-то полезное. По законам буси-до (пути воина) считается, что быть одержимым какой-то мыслью – это недуг. Влюбиться, думать об одной женщине – это недуг для воина. Но и быть одержимым мыслью о том, чтобы перестать думать о ней, – это тоже недуг. Отдаться болезни – это уже способ перестать думать об избавлении и, значит, путь к избавлению. Не сопротивляться – значит не вступать в связь. Недуг либо сам уйдет из пустоты, либо переболит и иссякнет.

Надо было расслабиться, надо было перестать гнать Лену из памяти. Она всего лишь женщина, она, как и все другие, пришла и уйдет сама. А вот та... Та не уйдет никогда, потому что...

...Стаса перевели в тот детдом, где жил брат, в пять лет. Стас еще совсем не понимал, что значит то, что у него есть брат и мать, пусть даже она и не может им заниматься из-за болезни. В пять лет он просто ощупывал окружающий мир, еще не мечтая о лучшей доле, потому что сравнивать-то было не с чем, вокруг все были такие же, как он. Переезд в другой детский дом, расставание с привычным миром стали для ребенка первой настоящей трагедией. Слово с непонятным значением «брат» обозначало весь этот кошмар.

Причину потери Стасом прошлой маленькой уютной жизни звали Митей. Это был подросток пятнадцати лет, малышу он казался совершенно взрослым и чужим дяденькой, ершистым, горделивым и замкнутым. В детдоме он был главным. Учителя и воспитатели его ругали за хулиганство. Девчонки им восторгались. Пацаны если не поддакивали ему и не угождали, то, как минимум, не смели перечить. К Стасу Митя отнесся недоброжелательно, потому что стыдился, как он выражается, повесить себе на шею малолетнюю соплю.

– Я не нянька ясельного учреждения! – возмущался он, когда воспитатели ругали его за то, что парень не помогает маленькому Стасику в бытовых делах или в учебе.

Но обижать пацаненка никто не решался, потому что все знали, что Митяй – его брат. То, что он сам не проявлял признаков любви, совсем не значило, что он его не любит, и неизвестно было, как Митя отреагирует, если всерьез зацепить его брата.

Через пару лет Митя закончил школу и ушел из детского дома. Стас как раз пошел в первый класс. Митя поступил в институт и перебрался жить в общежитие. Вот тут как раз и начала расти и укрепляться между ними связь.

В начале своей студенческой жизни Митя скучал по друзьям, еще остававшимся в детдоме, и приходил к ним довольно часто. Чуть позже он начал приносить младшему брату подарки. Подрабатывая по вечерам, парень обзавелся наличными и с удовольствием показывал этими братскими подарками, каким самостоятельным он стал. По мере того как рос Стас, Митька все больше к нему привязывался, ему нравилось принимать участие в формировании характера младшего брата. Он узнавал в нем себя, он хотел защищать того, кто нуждался, он давал ему советы, как общаться с учителями, он подсказывал ему то, чего самому не хватало в детстве, потому что некому было подсказать, а сам еще не знал.

Митя признался, что имя Стасу дал именно он. Мать после того, как потеряла сознание, в себя в полном смысле этого слова уже не пришла. Она так и не начала вспоминать детей,

родственников, ее сознание просто вычеркнуло все, что могло вернуть ее память к трагедии. Через день или два после той страшной ночи у перепуганного Мити спросили, как назвать брата. Мальчик был в шоке, оттого что у него появился еще кто-то. Нет папы, нет сестры, и неизвестно, где мама. И вдруг – брат. Он не хотел никакого брата. Он вообще ничего не хотел. Ему казалось, что лучше всего умереть. Но через два дня он все же выдал из себя: «Станислав». Тогда казалось, что это имя гарантирует появление сильного брата, а сильный брат будет ему хорошей защитой. Какое-то время он даже злился, что этот обретенный Станислав так и остался словом. Потом злился, что, появившись, он оказался еще более беззащитным пузырем. И вот, когда уже сам стал на ноги, Митя решил, что воспитает из брата настоящего мужчину, достойного своего имени.

А один раз, в день рождения Стаса, когда ему исполнялось тринадцать лет, Митя сказал, светясь радостью:

– У меня для тебя сюрприз. Но не пытайся выспросить, что это, я все равно не скажу, я хочу увидеть твое лицо. Я не поддамся никаким уговорам и не испорчу праздник ни тебе, ни себе. Но получишь ты его, братишка, только в выходные.

Половину недели Стас был сам не свой. Он то радовался, то боялся. В его воображении рисовался новенький велосипед, скейтборд, ролики, личные командирские часы. Темные очки шпионского типа тоже подошли бы. Боясь признаться самому себе в такой наглости, он даже немного помечтал о мобильном телефоне!

В субботу брат, нагруженный сумками с продуктами, заехал рано утром.

– Мы едем на дачу к Вовану, – сообщил он без церемоний.

– А подарок?

– Не дрожи, все как обещано. Получишь!

«Это точно велосипед!» – предположил Стас, грамотно рассудив, что на даче как раз удобно его сразу и опробовать. Хотя тут же пришел целый ворох мыслей о том, что это может быть и, например, комплект для ныряния. У Вована дача стоит как раз на берегу озера.

Автобус не приходил издевательски долго. Водитель был просто чудовищем и ехал неприлично медленно. Дорога, привычная тропинка в жиденьком пригородном лесу, оказалась безобразно длинной. Вован (остальные гости еще не приехали) задрых где-то в глубине дома и никак не выходил, чтобы открыть дверь.

– А, именинник! – просиял он, когда все же появился в проеме распахнутой двери. – Тебе сколько лет?

– Тринадцать, – ответил Стас.

– Ну, тогда тебе уже можно.

Вовка посторонился, пропуская гостей в дом.

– А можно прямо сейчас? – Стас, весь сплошное нетерпение, криво скосился на брата.

Парни переглянулись, как бы молча спрашивая друг у друга, можно ли. Вован кивнул, мол, давай, и, положив руку на плечо брату, Митяй подтолкнул Стаса к двери одной из комнат:

– Там твой подарок. Иди вскрывай. Надеюсь, тебе понравится.

Мальчик, все еще весь сплошное нетерпение, ворвался в заветную сокровищницу.

Он оказался в спальне Вована. Тут, видать, он и дрых до самого прихода гостей – кровать еще разобрана, а шторы плотно закрыты. В комнате было весьма сумрачно. Особенно темнота резанула после яркого света солнечного дня – на улице и в просторной гостиной, где была стеклянная стена. Стасик не сдался и сразу начал ощупывать комнату взглядом, выискивая металлические формы велосипеда. Постепенно привыкая к темноте, он ничего такого не обнаружил. Там не было ничего похожего на подарок.

– Издеваетесь, значит! – буркнул мальчик, но, улыбнувшись, принял игру и направился к занавескам. – Ладно, поищем, повеселимся, ты еще пожалеешь, Вовка, что отдал мне комнату на растерзание! Да будет свет!

– Шторы не открывай!

Стас ошалел. Это был женский голос, самый реальный. Ему не показалось. Он остановился и посмотрел на кровать. Одеяло зашевелилось, наружу высунулась рыжая голова незнакомой тетки.

– Тебе сколько лет? – спросила голова.

– Тринадцать, – ответил все еще ошарашенный мальчик и попятился к двери. – Извините, я не знал...

Голова женщины с легким прищуром смотрела на него как бы оценивающе. Стас добрался до двери. Она не открывалась.

Одеяло зашевелилось и резко, без всякого предупреждения, отлетело к стене. На кровати в полумраке лежала совершенно голая женщина.

Она легла на спину. Она повернула лицо к нему. Она, чуть согнув ногу в колене, подвинула ее к нему. Она, медленно сгибая, подняла другое колено и прислонила его к стене. Каждое ее движение отпечатывалось в мозгу Стаса, как вечное клеймо.

Одну руку она плавно и мягко положила между ног, другую протянула к нему. И положила на кровать. Улыбнулась.

– Ты дрожишь от холода? Но тут тепло. Ты боишься? Или ты хочешь потрогать?

Тело Стаса вспыхнуло огнем. Ему было ужасно стыдно, страшно и ужасно хотелось потрогать. Грудь. Да, грудь. Про все другое он боялся подумать.

Женщина улыбалась. Она снова протянула к нему руку:

– Дай мне руку. Как тебя зовут? Дай руку, пожалуйста...

– Стас, – вежливо ответил мальчик и сделал пару шагов.

Он думал, что старается вежливо не смотреть на голую женщину, но видел перед собой только ее тело, смягченное полумраком и подчеркнуто фактурное из-за глубоких теней. Под грудью были тени, что делало грудь еще больше. Между ногами была черная пропасть. Стасу было интересно, что можно там найти, если не как в кино, а на самом деле, по правде.

– Твои глаза выдают твой испуг и интерес, Станислав, – улыбаясь сказала женщина.

Стасу стало стыдно за то, что его подловили, рассекретили.

– Всего я не боюсь, – промямлил он. – И мне неинтересно.

– Прямо уж! Неинтересно! – засмеялась она. – В том-то и прикол, мой хороший, что сейчас все можно. Все-все, что только хочешь. Хочешь, я тебе просто расскажу что-нибудь, покажу что-нибудь? Ты играл с девочками в детстве, например когда вас увозили на летние дачи, в кустах в сравилки: чем ты отличаешься от нее? Ты трогал девочек между ног, давая им потрогать себя, чтобы понять, наконец, в чем же ваша разница?

У Стаса горели не только уши. Он весь пылал то ли от стыда, то ли от желания, непонятного еще, необъяснимого, но явного желания.

– С чего вы взяли? – буркнул он.

Женщина плотнее сжала его кисть, не давая вырвать руку. Она мягко потянула его к себе. Подтянулась сама поближе. Усадила его на край кровати. «Неужели кто-то подсматривал и обо всем донес Мите?» – пронеслась у него в голове перепуганная мысль. – «А он – ей?! Зачем он это сделал?!»

– Не думай ни о чем плохом, мой друг, – сказала она. – Так делают почти все. Я тоже. Я до сих пор это помню. Не помню того мальчика, что был рядом, даже не помню, дружили мы или нет, но то, как мы изучали нашу разницу, я помню. А ты?

– Да.

– Чудесно. Сейчас ты можешь представить, что я такая же девочка, как ты, и мы вместе посмотрим, зачем же она нужна, эта разница.

Она уже мягко гладила его по груди, засунув руку прямо под рубашку. Стасу нравилось.

– Давай я почешу тебе спину. Ты это любишь?

– Вообще-то, я не очень избалован. Я живу в детдоме.

Женщина не стала комментировать, сокрушаться или говорить что-то ободряющее. Она просто сняла с него рубашку и, положив его животом на край кровати, усевшись сверху, начала мягко царапать ногтями по спине. По коже побежали сотни мурашек, шустрых, игривых. Это было приятно. Каждый раз в том месте, где прикасались ее руки, взрывался чувственный вулкан ощущений. Лава разбегалась широко. Все шире, шире...

В понедельник Стасу было стыдно идти в школу. В кругу товарищей-одноклассников он старался делать вид, что все по-прежнему, что все как обычно. Вопреки его стараниям, ребята как с цепи сорвались – без остановок язвили на интимные темы, особенно грубо и часто подкалывали девчонок, наперебой пересказывали Стасу какие-то якобы эротические шутки из вчерашних телевизионных программ. Стас никогда раньше не думал о том, насколько это все глупо, как это все по-детски, что ли.

На большой перемене Петька и Сеня, как всегда, потянули его к столовке, на лестничный пролет. Там в это время собиралось много учеников, а среди них, естественно, оказывались и ученицы старших классов, у которых впереди оставалось еще порядком уроков, а есть им уже хотелось. Устроившись на пол лестничного пролета ниже этажа столовки, пацаны заглядывали под короткие юбки девчонок, а для усиления эффекта по очереди кто-то поднимался и, проходя мимо, как бы невзначай цеплял ту или другую девочку, задирая ей юбку, – чтобы другие внизу больше и лучше увидели. Неимоверный восторг вызывала удача увидеть краешек трусов.

– Смотри, смотри, Стас, ты видел?! У Катьки Фомичевой трусы сегодня красные. Вот умора. Кра-а-а-асные! – толкал локтем его в бок Петруха, давясь от безмерного восторга и отворачиваясь в стыдливой эйфории. – Ой, смотри, смотри, Алекс Ольку по жопе хлопнул! Смотри, она его по плечу, а он ее – за грудь. Саняха – молодец! Я следующий иду. Я тоже хочу. А ты после меня, понял?

– Понял, я понял, – пробормотал Стас.

У него из памяти не выходила вчерашняя сцена. Вот рыжая прядь длинных волос скользит по груди, вот она чуть зацепилась за набухший сосок, соскочила, упала. Та женщина закрывала глаза. Она открывала рот, когда ей было особенно хорошо, как понял Стас. Ему снова стало жарко. Он поднялся и ушел.

– Стас, ну ты куда?! Еще десять минут осталось! Твоя же очередь!

Больше он не ходил в большую перемену на пролет ниже столовки. Сашка и Петро сначала делали вид, что не замечают перемены, и по-прежнему звали его. Позже ребята обиделись и какое-то время не общались с ним. Закончилось все тем, что они начали над ним подшучивать, подкалывать, дошло до драки, после чего все дружеские отношения были аннулированы.

Кстати, Лена была у него первая девушка с рыжими волосами после той, самой первой. Только у Лены была стрижка. Стас сам про себя улыбнулся: не успел он выйти за дверь, как уже подумал о ней как «была у меня»! Ничего у него с ней не было! Разве только поцелуй. Ну и еще ее желание пофлиртовать. Но это было только ее желание. И поцелуй, собственно, был ее, Стас просто не отказался. И то «до свидания» было всего лишь формой, которой люди прощаются друг с другом всегда, везде, не имея в виду никаких обещаний на обязательную встречу. А если она подумала, что он, Оборотень, сдался, поддался на ее уговоры, то глубоко ошибается, но это ее проблема. Бабам нравится фантазировать, а Оборотень не имеет ничего против того, чтобы развлечь женщину, если это не требует больших материальных или физических напрягов.

Стало холоднее. Парень поежился и отметил, что холодный колючий дождь, который встретил его на пороге библиотеки неприятным покалыванием в лицо, сменился мелким снегом или, скорее, ледопадом, – на него с неба сыпались мелкие, размером с песок, льдинки. Оборотень еще выше подтянул воротник, замедлил шаг и осмотрелся по сторонам. Где-то в этом районе (он это понял по названному адресу) находилась квартира заказанного клиента.

Хотя самого клиента, как ему сообщили, дома не бывает, тут обитает семья. Оборотень остановился и осмотрелся еще внимательнее.

Хватит пустых фантазий про женщин! Пора сосредоточиться на задании. Надо будет с чего-то начать поиски. По ходу, с семьи, решил парень. Можно бы установить слежку за квартирой уже сегодня, рассуждал он, но все же надо сначала предупредить Старшего и подумать хорошенько, может, попросить в помощь Духа или Волчару.

Не зацепившись ни за что ни глазом, ни сознанием, ни интуицией, он еще раз поправил воротник, чтобы меньше задувало, и зашагал дальше в направлении вокзала.

Это было первое настоящее, порученное ему под полную личную ответственность задание. Воображение рисовало аккуратно проведенную слежку, кропотливый поиск информации, умные, хитро организованные расспросы и даже допросы. Венчали линейку героических образцов сложные поиски похищенного человека, смертельная опасность и, наконец, триумфальное завершение дела. Хотелось сделать все быстро, четко, элегантно, чтобы товарищи и особенно злопыхатели стали говорить друг другу: «Этот парень – реально крут!» А командиры и начальники сказали: «Этот парень – просто находка для нашего дела!» Конечно, неизвестно еще, как долго он будет сидеть в отряде «Лунное затмение», но хороший старт таким и останется – хорошим, куда бы его потом ни занесла судьба. Возможно, он перейдет работать в личную охрану к какому-либо банкиру, возможно, попадет в государственные структуры, но обязательно в отряд спецназначения. Не исключал Оборотень и вариант работы у кого-то из криминальных авторитетов. За свою юность он успел насмотреться на всяких, поэтому никого не опасался. Митька, брат, уехал и пропал как раз после одного дела в криминальной структуре. Он сказал, что уезжает ненадолго, мол, «пока баталии на фронтах не утихнут и нервы гореть и рваться у этих полусумасшедших авторитетов в своем загоне не перестанут». Прошло уже несколько лет. Митяя надо было найти...

Оборотень шагнул на проезжую часть, чтобы перейти дорогу. Резко запищали тормоза, и белая «тойота ярис» затормозила, практически уткнувшись своей тупой мордой ему в ногу.

Кто сидел за рулем, Оборотень не мог рассмотреть. Мешали причудливые отражения уличной иллюминации на лобовом стекле машины. Зависла пауза. Парень смотрел неведомо на кого через миражи отраженного света, как на нелепое и неуместное явление природы, как на лед на луже посреди июля. Но чем больше он выходил из своих планов и мыслей, тем больше закипало его негодование, ладони в карманах вдруг вспотели и начали непроизвольно сжиматься в кулаки. Оборотень сделал шаг, еще один шаг по проезжей части и свернул влево к водительской двери. Переднее стекло, похожее от света улицы на застывшую картинку калейдоскопа, медленно поехало вниз. Картинка калейдоскопа ожила.

– Ты потерял бдительность, солдат! – услышал он знакомый женский голос. – Не обо мне ли ты мечтал, утонув в своих фантазиях?

Оборотень молча смотрел на Лену, улыбающуюся из своей машины.

– Я не хотела на тебя наезжать. Ни тогда, в офисе, ни сейчас. Тем более сейчас, – проговорила девушка. – Я не ожидала, что ты так резко свернешь с тротуара, что ты вообще свернешь с этого дурацкого тротуара! Экий ты спонтанный... Неожиданный. Но меня это даже интригует и заводит...

Лена начинала нервничать под прицелом его внимательного взгляда. Не зная, что предпринять, она взяла мобильник, отдохавший в подвесе на торпедо, включила его и тут же выключила, засунула обратно, после этого зачем-то повернула ключ. Машина перестала урчать. Перестала играть и музыка в радиоприемнике. Застеснявшись тишины, Лена сразу же снова включила зажигание.

– У тебя что, сотрясение мозга? Ты с чего это дар речи потерял? Я до тебя практически не дотронулась! Ну, выругайся, что ли... Алё, ты, шоканутый...

– Ты как тут оказалась?

Лена молча высунула руку из окна, дотронулась до нижнего края его куртки и развернула перед парнем ладонь. На ней лежала крохотная прищепка-маяк.

– Я тебя пометила, а ты не заметил. Жучок прицепила. Поищи на досуге. Потом, когда сделала дела в офисе, я отправила Игоря и уложила Влада спать на диване. Потом я увидела на джипиэсе, что ты до сих пор совсем рядом, и догнала тебя. Я решила, что все складывается так, чтобы мы сегодня не расставались. Это – судьба, тебе не кажется?

Оборотень, по-прежнему ничего не говоря, обошел машину спереди, открыл дверь и, не спрашивая разрешения, уселся на переднее сиденье.

– О'кей, раз я на тебя наехала, сделаю круг, куда бы ни пришлось ехать, хотя, подозреваю, твоя казарма – не близкий свет. Почему ты, кстати, идешь пешком, а не сел на автобус?

– Электричка еще не скоро, я думал, у меня есть время пройтись.

– Ну, говори, куда ехать? Твоя казарма в Москве или за МКАДом? В каком направлении двигаемся?

– В направлении твоего жилища.

– Оу! Не надо меня провожать, дорогой. Меня никто не обидит, я – в машине. Говори, куда тебя везти, я сегодня добрая.

– К тебе.

– То есть?

– Ты же хотела.

– Что?

– Будешь повторять ночью мое имя не в пустоту...

– Вот так прямо сразу?

– В настоящем экстазе, а не в мечтах о наслаждении и истоме.

– Ты в своем уме?

– Мечтать – бессмысленно. Надо делать.

– Ты в своем уме?

– Тебе что-то мешает отдаться и сделать мечту былью?

– Да. Я тебя не знаю.

– Знаешь. В офисе познакомились. Там ты, кстати, была смелее. Что случилось? Из-за чего перемены? Или ты только трепаться умеешь?

– Хм.

– Поехали. Я не выйду.

– Да?

– Да. А в милицию ты меня не повезешь.

– Это насилие, Оборотень. Я не хочу так.

– Тебя это уже не заводит? Любишь только сама управлять ситуацией?

– Точно! И то, что ты сейчас пытаешься мне навязать, – насилие.

– Если насилие неизбежно, расслабься и получи кайф.

– Хм. Я живу с матерью.

– Ну, тогда придумай, куда поедем. Я-то живу с целым взводом таких же пацанов, как я, не хочу тебя туда везти... Жадный.

Лена улыбнулась этой нелепой мысли:

– Спасибо хоть на этом.

Она включила передачу и дала газ.

– Значит, получить кайф?

– Так точно.

* * *

Сиверов успел снять куртку и ботинки, налить и включить чайник, снять грязную и переодеться в домашнюю одежду. Потом он плюхнулся в диванные подушки, дотянулся до пульта управления звуковым центром и с наслаждением нажал кнопку «плэй».

Но в этот же момент бездушный дверной звонок снайперским выстрелом убил первые вздохи величественной музыки Вагнера. Настырный звонок звучал, как сигнал тревоги «Попытка внедрения снаружи». Глеб выключил центр и пошел открывать гостя. Это мог быть только Потапчук.

Федор Филиппович выглядел уставшим: он был измотан этой историей не меньше, чем Сиверов.

– Девочка в больнице, истощена, в сознание еще не приходила, – начал он вместо приветствия, – но прогнозы оптимистичные. Врачи говорят, что утром она сможет разговаривать и спокойно давать показания.

– Вам кофе на ночь или все же зеленый чай? Есть имбирные цукаты. Бодрит, – предложил Глеб, переводя разговор на бытовую тему.

Потапчук и сам хотел хоть немного отключить голову от ада сегодняшних дел. И он вместе с Глебом прошел на кухню. Секретность Глеба Сиверова, агента под кодовым именем Слепой, была обусловлена сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, для всех он так и не воскрес из мертвых после одного из заданий. Точнее, сначала из мертвых, а потом еще и из без вести пропавших. Чего только не случалось с этим парнем! Потапчуку казалось, что нет такой ситуации, из которой тот не сможет выпутаться. Во-вторых, некоторые операции требовали того, чтобы никто, включая официально ответственных лиц, не знал о действиях, которые предпринимает Слепой. Более того, очень часто Федор Филиппович просил его проанализировать те ситуации, которые еще не приобрели в органах статус официального расследования. В таких случаях то, что Слепой действовал неофициально, не перечило закону – он был «Мистер Никто» – и не наносило вреда ничьему официальному статусу. И между прочим, развязывало ему руки. Он мог себе позволить действия без специальных санкций, при получении которых, как правило, утекало не только время, но еще и информация. Очень важным было то, что Глеб являлся универсальным солдатом и, оставаясь вне специализированного департамента, он был многофункциональным.

Оценив пачку кофе и пачку чая на вид, гость решил выбрать чай. Вода как раз закипела. Совершив необходимые манипуляции с заваркой и собрав приборы со сладостями на поднос, мужчины перебрались в комнату. Глеб снова включил Вагнера, но выставил низкий уровень звука. При такой громкости они могли разговаривать без проблем.

– Что принесли ваши ищейки в зубах после осмотра территории? – спросил Слепой.

Потапчук изобразил разочарование.

– Пока ничего, Глеб. Это был осмотр в темноте, сам понимаешь, непростая задача. Даже фонари мало помогают, потому что всегда остаются темные углы – черные дыры в следствии. Мы оставили охрану. Утром, со светом, еще раз посмотрят.

Перед мысленным взором Глеба мелькнули бесчувственные тела Корча и Шныря, которых он оставил совсем недалеко от базы.

– Дело в том, что к охране скорее всего нагрянут гости.

– Они заметят машину еще издали. Или...

Генерал внимательно посмотрел на своего агента:

– Откуда сведения?

– Ваши включили свет, как я просил?

– Я дал такое распоряжение. Хотя это нелогично, потому что дает преступникам сигнал о том, что на базе кто-то есть. Естественно, что они в этом случае либо не сунутся, либо предпримут все меры секретности. А нашим, как ты понимаешь, сложнее видеть за пределами собственного света.

– В любом случае они приедут не издали, не по дороге. Они выйдут из леса. Но если на базе будет много света, они поймут, что их засекреченный рай разрушен и на территории полно чужаков. Со светом безопаснее.

Потапчук изменил намерение поднять чашку с чаем, даже печенье отложил, примостив на блюде рядом с чашкой, и молча уставился на Сиверова, ожидая продолжения.

– Возможно, у них где-то что-то там припрятано, хотя я не утверждаю. И предположение это скорее страховочное, техническое, дежурное, если хотите. Это не мое ощущение или подозрение, это только перестраховка. Но не стоит упускать из внимания никакую возможность, тем более, что у нас практически нет зацепок. С рассветом осмотрите все предельно кропотливо. А гости, думаю, придут обязательно.

Глеб более-менее подробно рассказал куратору историю с Корчем и Шнырем на базе. Потапчук от души веселился, даже просветлел лицом и смеялся.

– Какой у них номер машины, Глеб? – спросил генерал в конце.

Слепой назвал номер. Федор Филиппович тут же позвонил в следственный отдел и отдал номер в разработку.

– Если нам это как-то поможет... В любом случае скоро мы будем знать, что за птица хозяин этой тачки. Ну, а теперь доложи-ка мне, какие у тебя завязки, хвосты, идеи. Как ты вообще вышел на эту базу?

– Случайность.

– У тебя не бывает случайностей.

– Бывает. Они бывают у всех.

– Ты не все.

– У меня тоже бывают случайности.

– Я понимаю, Глеб, что ты устал...

– Ерунда, устану я только тогда, когда сам себе это позволю.

– Вот именно, – генерал снова взялся за свою чашку. – И приехал ты на эту базу не вдруг, не просто так.

– Ну, не совсем просто так, конечно. Не мимо проходил и не от нечего делать заглянул.

– Выкладывай. Я пойму.

– У меня самого нет понимания. И концы, кажется, никуда не ведут.

– Давай рассказывай, что тебя держит. Может быть, у меня найдутся какие-то ответы в рукаве.

– Да, так у вас бывает, – покивал головой Слепой, – и сейчас очень на это надеюсь. Вы можете подключить, по крайней мере, дополнительные ресурсы.

Он достал из ящика стола новую пачку сигарет, не спеша вскрыл ее, закурил и пересказал те сведения, которые нашел, копаясь в документах департамента мэрии. Федор Филиппович слушал спокойно, внимательно, не забывая прихлебывать свой чай и закусывать его имбирными цукатами. Уже в самом начале рассказа Глеба он достал из внутреннего кармана свой любимый маленький блокнот и под стать ему маленькую шариковую ручку. «Зато всегда под рукой, – любя, оправдывал он их миниатюрные размеры, – и не мешают». Туда Потапчук во время рассказа Сиверова старательно записывал имена, фамилии и названия фигурирующих организаций. Во время беседы он уточнял взаимосвязи, о чем-то думал, прикидывал так и эдак.

– Ну, не то чтобы густо, – заключил он, когда Глеб, потушив сигарету и раскинув руки на спинке дивана, обозначил конец своего отчета, – но и не скажешь, что это – совсем ничего.

Сиверов посмотрел на него испытующе. Потапчук замолчал; кажется, он взвешивал в голове какие-то данные, что-то сопоставлял и пытался вспомнить. Глеб прислушивался ко все еще звучащему своему любимому Вагнеру. Звуки, казалось, передавали работу мыслей в голове генерала. А может быть, Федор Филиппович в самом деле бессознательно воспринимал музыку и думал с ней в унисон?

– Вот что, Глеб, – наконец решил высказаться Федор Филиппович, – попрошу я тебя найти этого самого Кудракова и последить за ним. Но особенно покопайся в бельишке его партии, этой самой «Народной земли». Он нигде у нас не проходит, прямых жалоб на него у нас тоже нет, но косвенных упоминаний фамилии в делах других – полно. Неспokoйный он человек. Ради чего старается и высовывается – непонятно пока...

– Зарабатывает очки, чтобы пробиться во власть. Одного своего бизнеса ему мало, тем более что к очень крупному бизнесу ему уже не прорваться, – высказал предположение Глеб.

– Ну да, за счет экономических махинаций ему не удастся стать тем, с чьим мнением станут считаться.

Федор Филиппович подлил себе еще чаю. Глеб не перебивал, он откинул голову на спинку дивана и прикрыл глаза. Было сложно понять: то ли он думает о чем-то связанном с разговором, то ли просто расслабляется после тяжелого задания.

Потапчук отхлебнул свежего чая и продолжил развивать мысль.

– Точнее, ему уже не дадут взять в руки серьезные экономические высоты...

– А на земле, – не открывая глаз, подхватил мысль куратора Слепой, – поиграть все еще можно. Вон сколько ее вокруг Москвы! Да вообще по России.

Глеб встал и подошел к темному окну. Он любил смотреть на город с высоты. И выбирал себе жилье так, чтобы обзор был открыт далеко, чтобы напротив не было другой высотки, которая бы день и ночь таращилась своими окнами на его личную жизнь. И теперь Глеб жил на последнем этаже. Шторы он не признавал, потому что его пристрастие к высоте и открытому пространству смешивалось с почитанием света. Глеб даже ночью не завешивал окна. Он как бы оставлял свой дом открытым для первого утреннего света. Слепой любил определять предрассветное время по плотности таящей темноты, и ему было неважно, во сколько он уснул накануне.

Глядя в черное небо, отражающее созвездиями скопления московских огней, Глеб прикидывал, сколько же явных и пока скрытых войн за владение этой землей ведется сейчас в этой темноте. И снова перед его внутренним взором появилось бледное лицо бесчувственной Лизы, с пересохшими губами и тонущими в черных синяках глазами.

– И любимая игра у них, – сказал Глеб, отвернувшись от окна, чтобы отогнать видение, – это игра в «ножички». Вы, Федор Филиппович, в детстве играли в такую?

Потапчук на секунду прищурился, что-то припоминая, и с мягкой улыбкой кивнул:

– Да, припоминаю. Круг рисуем, пополам делим, а потом ножик в землю соседа кидаем. Как упадет, так линию по направлению дырки от лезвия и продолжаем – от окружности до ближайшей границы. Землю, ту, что ближе, себе берем, вроде как завоевали мы ее. Ты об этом?

– Да, именно. По ходу, не только мы с вами ее помним. Кое-кто все наиграться не может, даже поднял игру на государственный уровень.

– Неудивительно, – покивал головой генерал, – потому что так всегда было. Если ты стоишь у руля дележки, то ты знаменит и купаешься в фаворе. Со всеми причитающимися бонусами.

– Да что там бонусы?! – пожал плечами Слепой. – Тот, кто у руля дележки, тот себе самый лучший кусок берет. Ну а другие, тоже хорошие, в натуральный обмен пускает. У рулевых на других козырных направлениях на привилегии для себя меняет.

– Да, это уж как пить дать! – согласился генерал, кивая. – А что, папаша наш, как думаешь, что за фрукт?

– Таранков? Петр Васильевич... Если он устоял от соблазнов, которые ему даны были вместе с должностью, то он – святой. Хотите, чтобы я проверил при личном знакомстве?

– Хочу, – не лукавя ответил Потапчук.

– Пожалуй, я и сам хочу, раз уж вы просите присмотреть за этой темой. Любопытно мне, какая кошка пробежала между ним и новоявленным политиком Кудраковым...

– Все-таки думаешь, что он не настоящий радетель за благополучие народа и народной земли?

– Думаю, что надо его взять в разработку. Все эти множественные учреждения легкого и быстрого бизнеса и стремительные перепродажи, которые он предпринимал, да еще бизнес, связанный с большими территориями, то есть земельный бизнес... И, как мы уже знаем, есть у него и за пределами Москвы кое-какие наделы. Непохож он на честного общественного бесребреника.

– То есть руки широко раскидывает...

– Именно. Не забывая про личные выгоды. И не мне вам рассказывать, что очень удобно быть «политиком», лоббирующим интересы своего же бизнеса.

– Учитывая то, что этот серый кардинал...

– Скорее, пока только мышь подпольная...

– Хорошо, – согласился Потапчук, – пусть мышь, но формально он котируется только как лидер земельной партии – не самая важная политическая персона. А его хозяйственная деятельность никак и нигде, даже в наших сводках, не светится...

– Так он же по документам как будто продал все. Надо проверить, кстати, кому. Надо всерьез заняться и поднять его связи.

– Но если наш друг из мэрии, подозревая или зная все это, пошел против, то, похоже, что он все-таки святой.

Генерал, откинувшись всем телом на спинку дивана, сам улыбнулся своему предположению.

– Короче, Глеб, – сказал он, допивая чай, – не хочу тебя больше мучить. Давай подведем итог.

Сиверов устало кивнул. Федор Филиппович несколько секунд взвешивал в уме все сказанное за вечер и наконец резюмировал:

– Ты берешь в неофициальную разработку Кудракова. Нам надо понять, как далеко он ушел или не ушел от своих бизнес-предприятий. Посмотри, Глеб, кто у него в партнерах. Проверь по возможности счета.

– Поискать иностранный след?

– Это мы всегда имеем в виду, как ты помнишь, и проверяем при любом случае. Так что – да.

– Мы за всем этим, – вдруг встрепенулся Глеб и, поднявшись с дивана, сразу же наклонился за сигаретами и достал из бокового кармана джинсов зажигалку, – совсем позабыли историю с похищением девочки. Или Кудраков уже главный подозреваемый? Надо же закончить дело. Кто-то же ее похитил. И я не уверен, что это организовал Геннадий Владимирович Кудраков.

– Нет, не забыли. Мои парни выжмут максимум из места, где ее держали, к тому же Елизавета Петровна сама, как обещал врач, скоро сможет нам кое о чем рассказать...

– Очень надеюсь. И надеюсь на то, Федор Филиппович, что вы максимально подробно ознакомите меня с ее рассказом.

– Заметано, Глеб, – пообещал шеф. – А ты пока выуди максимум информации про этого партийца из «Народной земли».

– Звучит как приговор, как «кровопийца» из народной земли, – рассмеялся Сиверов. – Но хорошо, я буду предельно внимателен, дотошен и педантичен.

– Очень хорошо. И за тобой остается наш великомученик – чиновный отец.

– Поговорю. Мне очень интересно, за что же он так наказал Кудракова? И еще интереснее, как это наказание воспринял сам Геннадий Владимирович? Только сначала я все же выделю для себя, как минимум, восемь часов здорового сна. Вы уж извините, Федор Филиппович, что не обещаю оперативности. На эти восемь часов я забуду и о Кудракове, и о Таранкове... И не смотрите на меня так, Федор Филиппович! Я, если вы помните, – профессионал, а не одержимый фанатик. А это значит, что я должен обеспечивать ради дела свое же рабочее состояние.

– Я понимаю, Глеб. Тем более что в поиске Елизаветы Петровны ты сработал достаточно оперативно. Отдых ты заслужил.

– Я бы сказал, что не «оперативно», а «вовремя». Да и то повезло, что успел. Я слишком долго копался, слишком долго искал. Всю дорогу из леса я пытался понять: где же упустил, где можно было бы ускориться?

Федор Филиппович молча взглянул на озадаченное лицо своего подопечного. Слепой был лучшим его агентом. Лучшим даже не среди сейчас работающих, а лучшим за все время службы Потапчука. Пожалуй, даже лучшим из всех, о ком он вообще знал, даже если это были не его агенты, даже если это были агенты противника. Слепой – Глеб Сиверов – был лучшим. И самым засекреченным.

* * *

Самым тяжелым, было то, что все эти длинные, бесконечно длинные дни и ночи не приходило никаких известий. Петр Васильевич начал бояться, что с самими похитителями что-то случилось, иначе, конечно же, они бы подогревали разными способами его волнение, тревогу, страх за жизнь дочери. Но они молчали. Теперь ему казалось, а был ли вообще тот первый звонок, ранним утром после того, как Лиза не пришла домой из музыкальной школы.

– Петр Васильевич Таранков? Как поживаете?

– С кем имею честь говорить?

– Мое имя вам ничего не скажет. Мы незнакомы. У нас ваша дочь.

– Что вы имеете в виду?

– А вы не понимаете?

– Нет.

На самом деле его сердце уже давно было не на месте. Каждый его удар эхом отдавался в голове, в ушах. Петру Васильевичу даже показалось, что звонивший услышит этот стук и поймет, что его обманывают, раскусит его слабую попытку казаться твердым и непреклонным. Но какого черта там нужна была эта твердость? Кому нужна была в тот момент его непреклонность? Возможно, она была нужна ему самому. Она была спасительным кругом – чтобы не думать о том, что произошло на самом деле, чтобы убедить себя самого, что он сильный, что он сможет со всем справиться. И, кажется, этот самообман сработал. Все-таки сумел же он дослушать звонившего до конца.

– Вы нам задолжали крупную сумму. Вы лишили нас кое-чего того, что нам было очень нужно.

– О чем вы говорите?

– Вы сами догадаетесь, Петр Васильевич. Если вы хорошо подумаете, вы поймете.

– Что с Лизой?

– О, Елизавета Петровна – красивая девочка. И очень талантливая. Этот ребенок действительно дорогого стоит. А что, как отец, вы волнуетесь за нее... ну, вы понимаете, о чем я говорю, правда?

– Вы негодяй, кто бы вы ни были!

– Да что вы говорите?! Чья бы корова мычала... Вам разве никогда не говорили такого в детстве? Или вы за бумагами и интригами государственных кабинетов забыли свое детство?

– Вы должны знать, что подобные выходки никому не сходят с рук! – изо всех сил сдерживая дрожь в голосе, возмутился Петр Васильевич.

– Так подключите же все свои связи! – ехидно подзадорил его звонивший. – Это в интересах вашей дочери. Вы согласны? Но есть нюанс. В ее интересах, чтобы вы передали нам сумму, которую мы утратили по вашей вине.

Несчастный отец молчал. Он уже прикидывал, что можно сделать и как искать Лизоньку, но мысли плавали, никак не получалось осознать в полной мере, что происходит. Он не воспринимал ситуацию как реальность.

– Ну что же вы молчите? Думаете, где взять деньги? Правильно!

– Ты – ничтожество!

– Это неконструктивно в любом случае. Давайте исправляться, Петр Васильевич. Подумайте о том, как собрать триста пятьдесят тысяч ЕВРО.

– Вы с ума сошли?! Откуда у меня такие деньги?!

– Это не ко мне вопрос. По крайней мере, из-за вашей семейки мой шеф потеряет гораздо больше. Считайте, что мы великодушно поступаем. Правда... – с нотками издевательства промяукал в трубке голос, – вы, конечно же, можете оскорбиться, мол, мы слишком низко оцениваем вашу дочь. Как вы считаете?

Он молчал. И что он мог сказать? К тому же у него уже тряслись руки, к горлу подкатил тяжелый сухой ком, готовый вот-вот перекрыть дыхание. Ему и вздохнуть-то было тяжело, не то что ответить что-то достойное!

– Ладно, не плачьте. Мы просто навели кое-какие справки. Мы люди разумные. Мы действуем наверняка. Больше, Петр Васильевич, вы, пожалуй, не потянете. Хиленький вы, Петр Васильевич.

– Издеваешься, подонок? – кое-как выдавил Петр Васильевич Таранков.

Силы таяли, как легкое облако в жарком августовском небе. Ему очень хотелось лечь. Он растянул галстук и расстегнул верхние пуговицы рубашки.

– Конечно. Так же интереснее.

Не отрывая трубку от уха, он подошел к окну и широко распахнул его. С улицы, как всегда в начале весны, потянуло промозглой влажностью.

– Ладно, вижу, я вам не нравлюсь. Я не буду вас больше беспокоить. Деньги соберите. Мы будем знать, когда вы готовы. И узнаем, если нас начнет искать ментовка. Наша доблестная милиция слаба. Она не найдет вашу дочь. Живой. Вы меня поняли? И не тяните слишком долго – девочка может не выдержать жестких условий.

Таранков уже сидел под окном, прямо на полу, прислонившись спиной к стене. Его массивный стол нависал сверху, как грозящая жизни скала, но сейчас эта громадина, перекрывавшая все пространство рабочего кабинета, помогала создать иллюзию закрытого в себе уголка, уютно спасавшего его от ужасов проклятой жизни.

– Вы меня услышали? – уточнил с расстановкой голос в трубке.

– Да, – выдавил Таранков.

– Отлично. Как вы поняли, мы видим все ваши действия. У нас есть способ. Мы свяжемся, когда вы будете готовы. Не тяните. Ваша дочь сама решила нам помочь в этой увлекательной игре. Она сама создала еще более интересные условия...

На том конце связи зависла издевательская тишина.

– Вы о чем? – почти прошептал он.

– О! Вам совсем плохо, Петр Васильевич? Вызовите «скорую» сразу после нашего разговора. Пусть они померяют давление. Но берегите себя, потому что только вы можете спасти свою дочь, вы должны это понимать. Точнее, собранные вами для нас деньги.

– Что с Лизой?

– Она хорошая девочка, она отказалась есть. Жесткая голодная диета. А нам – экономия и отличная интрига: сколько же это тщедушное изнеженное создание протянет? Мы уже ставки делаем. Она молодец, ваша Лиза! Представляете, она совсем ничего не ест! Как вы думаете, на сколько хватит ее ресурсов? На какой срок мне поставить? А хотите тоже присоединиться к нашим ставкам? Смотрите, может, еще и наварите...

Таранков не мог больше слушать и нажал кнопку завершения вызова. Рука с телефоном безвольно упала вдоль туловища. Глаза закрылись, сознание поплыло. Совсем скоро все затянула темнота.

Петр Васильевич не знал, сколько он так просидел-пролежал, но, когда очнулся, был все еще один. И больше его действительно никто не беспокоил.

Он ждал целый день, когда кто-то позвонит и убедит его в том, что все утреннее ему не показалось, напомнит о том, что он должен действовать, подтолкнет его к решительным шагам, скажет, в конце концов, куда нести деньги. Правда, их еще надо было как-то собрать. О том, где их можно набрать и как, он тоже думал весь день. В конце концов, должна была позвонить Лиза и сказать, что это все – розыгрыш. И тогда он ей ввалит по первое число! Тяжело ругать дочь, когда ты отец-одиночка, но ты должен. Иногда без этого нельзя. Потому что иначе ее очень трудно держать в рамках дозволенного, ведь она избалована этим же самым отцом-одиночкой, который больше всего на свете боится ее потерять.

Вечером он позвонил знакомому на Лубянку – просто посоветоваться. Потому что уже не мог оставаться один на один со своей проблемой. Просил только совета, ни о какой официальной помощи речь не шла. Но на следующее утро чекист позвонил сам и сказал, что они что-нибудь придумают для того, чтобы найти девочку. И снова наступила тишина.

Таранков взял срочный отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам и начал думать, где же взять такие деньжищи. Он, конечно же, озадачился этим и сразу после звонка того ублюдка, но тогда он еще надеялся на то, что это какое-то недоразумение.

Петр Васильевич просто сходил с ума оттого, что никто его не беспокоил! Никто ничего от него не требовал. Он долго бродил по городу, потом позвонил шурина, не решившись выложить все сестре. Шурина, как он знал, во-первых, полностью распоряжался семейным бюджетом, во-вторых, если бы захотел, мог бы довольно быстро найти нужную сумму. Тот почувствовал, сказал, что это все ужасно, но денег не пообещал, сослался на то, что свободных средств у него нет сейчас.

Рискнуть обратиться к своим обеспеченным клиентам Таранков боялся: они могли не поверить в то, что у него украли дочь. И боялся попасть в зависимость от кредиторов. Ведь при его-то должности в мэрии они могли у него много о чем попросить. Конечно, он боялся. Боялся и того, что любой из них мог оказаться этим ублюдком. Конечно! Он же сам сказал, что потерял деньги из-за Таранкова! Кажется, так. Он боялся и за Лизу, и за свою карьеру.

И вот наконец раздался звонок. Он звучал точно так же, как тот, первый. Его сердце забило так сильно, что он испугался, что не сможет разговаривать, что умрет, не успев произнести и «Алло!». Руки его задрожали, ему стало невыносимо жарко, на лбу выступил холодный пот.

– Алло...

– Петро! Это я, Саня. Собирай ноги в руки и мчи к дочери в больницу, нашли ее. Здоровая она, слава богу, только истощена до предела, не ела ни фиги...

Минут пять Таранков не понимал, на каком свете находится. Почти на автомате он набрал номер шурина и сообщил, что Лизу нашли. Шурина был спокоен, сказал, что он не сомневался в счастливом исходе и что Тоня, как тетя Лизы, будет очень рада.

Сам вести машину Таранков не мог, его нервы были истощены, руки дрожали, внимание плавало, воля не концентрировалась. Он вызвал такси и теперь уже наконец ехал к дочери. За окном фееричным, но бессмысленным мельканием огней мир радовался наступившей ночи.

Глава вторая

Городские автомобильные пробки живут отдельной, своей особенной жизнью. Говорят, у них даже есть своя душа и они бродят по городу как хотят, не подчиняясь ни дорожно-патрульным службам, ни настроениям водителей. Московская пробка – это город в городе, это обособленная жизнь внутри жизни. Здесь свои собственные, особенные истории встреч, расставаний и отношений.

Азарт у города был уже весенний, хотя зима еще не совсем сдала свои владения – по вечерам воздух все еще становился морозным, и вот сейчас кто-то из небесной канцелярии решил, что после колючего заледеневшего дождя следует высыпать на землю завалявшиеся остатки обычного снега. Но все же дыхание жизни накалялось, повсюду царил движение, глаза искрились, как бенгальские огни, предчувствием новых влюбленностей и небывалых ранее приключений.

– Ты любишь острые ситуации, да? – спросила Лена у молчащего как воды в рот набрал спутника.

Стоя в пробке, девушка нервно барабанила пальцами по уснувшему рулю и то и дело переключала каналы радио. Оборотень не ответил. Он вообще отвернулся от нее и смотрел в окно на празднично гуляющих пацанов и девчонок, на парочки солидных граждан, спешащих куда-то – может, в ресторан, может, в кино или в гости, а может, и вовсе не знающих, чем занять друг друга в эти случайно свободные от быта часы.

На рекламном щите среди клякс кричащей рекламы Киркорова, «Блестящих», Петросяна, Лорри Андерсон, балета «Золушка» в Большом театре и других известных и не очень деятелей и событий искусства парень заметил скромный лист объявления:

«2012.
Будет ли конец?
К чему готов ты?
Цикл тематических встреч о сегодняшнем мире,
цивилизации, человеке».

Более мелким шрифтом было пропечатано имя лектора – Игорь Столыпин. Ниже было еще что-то написано, но совсем уж мелко, и Оборотень, даже с его фантастически острым зрением, не мог ничего прочесть на таком расстоянии, да еще в темноте, хоть и разряженной цветным неоновым светом.

– О! Ваша агитка висит. Прямо рядом с Киркоровым. Широко работаете.

Лена не отозвалась, даже не фыркнула привычно.

– Ну и фамилия у твоего шефа – Столыпин. Типа круто и пугающе, – не унимался с комментариями Оборотень. – Только что-то я не верю. Что-то ненастоящее тут ломает картинку. Фамилия. Точно! Фамилия у него настоящая или псевдоним?

– Это очень важно для тебя? – язвительно полюбопытствовала Лена.

– Пока не знаю, – серьезно ответил ее спутник. – Но никто никогда не знает наперед, где и когда понадобится информация. А потом может не быть тебя под рукой. Так как?

– Оборотень, ты часто проводишь время вне работы? Ты любишь просто бродить по улицам, бессмысленно попивая пиво в кабаке? Или предпочитаешь с друзьями напиться на троих дешевой водяры?

Парень отвернулся от окна, устался в лобовое стекло на впереди стоящие машины. Минутку погодя он ниже опустился на своем сиденье, откинул голову назад и закрыл глаза.

– Ты не ответил.

– Ты тоже.

Лена сердито сжала губы.

– Знать детали биографии человека полезно тогда, когда намереваешься использовать их против человека. Ты работаешь на Игоря. Тебе совсем необязательно знать про него больше того, что он тебе сам рассказал, то есть больше содержания твоего задания.

– Никогда не знаешь, когда и зачем понадобится информация, – повторил тоном скучающего человека Оборотень. – К тому же может статься, что эта информация поможет спасти ему жизнь.

– Ему что-то угрожает? – снова язвительно хмыкнула девушка.

– Не знаю. Лично я сам ничего не планировал, а предвидеть чужое будущее не умею.

– Чужое не умеешь, значит. А свое, что ли, умеешь?

– Похоже на то.

– Ишь ты. Ну и что же тебя ждет в будущем?

– Смерть, – все тем же тоном скучающего человека сказал Оборотень.

Лена от неожиданности забыла слова и даже перестала постукивать пальцами о руль. Она повернула голову к парню и осторожно спросила:

– И ты знаешь, как и когда это случится?

– Понятия не имею.

– То есть? Так откуда ты знаешь, что это произойдет?

– Знаю и все. Тебя, кстати, тоже ждет смерть.

Девушка нервно сглотнула.

– Ты же сказал, что будущее других не умеешь предвидеть.

– А я не предвижу, я знаю.

– Потому что это связано с твоей смертью?

– Понятия не имею, но надеюсь, что нет. Надеюсь, что проживу долго и вовсе не с тобой.

– А чем это я тебе не нравлюсь?! – возмутилась и обиделась девушка.

– Ничем.

– Что значит «ничем»? Совсем-совсем ничего тебе во мне не нравится? Раньше ты говорил другое. Ты Игорю и брату врал?

Оборотень открыл глаза и повернулся к Лене:

– Фантастическая девушка! Впрочем, вы все такие.

У Лены от возмущения глаза стали больше олимпийских медалей.

– Объясняйся! – потребовала она.

– Ты спросила, чем ты мне не нравишься. И я ответил «ничем». Это значит, что нет ничего такого, что мне в тебе не нравится. То есть, по-моему, все прекрасно.

Лена насупилась, не придумав сразу, чем парировать. Впрочем, ей было лестно, и она решила в первую очередь насладиться этим чувством и только потом уже придумывать, что сказать в ответ. Когда через полминуты эмоции улеглись, девушка вспомнила кое-что из того, о чем они говорили, убивая время в пробках.

– Так почему же ты так уверен, что меня тоже ждет смерть, если это не связано с твоей и ты не умеешь предсказывать будущее других людей?

– Потому что каждого человека ждет смерть.

Лена недовольно сморщила брови. Она увлеклась болтовней, и ее подловили на очевидном. И она снова не знала, что сказать. Да это же прописная истина, то, что каждого ждет смерть, только никто не называет даты, сроки, условия.

Даже в 2012 году, дорогая Лена, – перебил ее мысль Оборотень, – не всех ждет смерть, вопреки тому, что твердит твой начальник. Например, я намерен жить гораздо дольше. А твой Столыпин, если хочет, пускай умирает. Если он сумеет хорошо пересолить кашу своим друзьям и недругам, то ему близкий уход гарантирован. Кстати, на его месте я бы предпочел скорую

кончину – чтобы паства, оскорбленная его враньем и обещанием несостоявшегося конца света, не порвала его на куски.

– А ты не думай за него! – злобно отрезала девушка, заступаясь за шефа. – У него мозгов побольше, чем у тебя, он сам справится. Без сопливой помощи.

– А он чем, вообще-то, деньги зарабатывает? Не лекциями же! – саркастично полюбопытствовал Оборотень.

– Ты, кстати, так и не рассказал, как проводишь свободное время.

Эхом отразив интонацию спутника, Лена резко сменила тему, и ей было плевать на то, что сделала она это, возможно, слишком очевидно. Ее начинало раздражать то, как дотошно парень докапывался до организации, где она работала, не зная проблем. «Надо будет от него отделаться как можно скорее», – решила девушка. И сразу вспомнила о своей подруге, которая могла бы ей в этом помочь.

В это время пробка двинулась, машина дернулась вперед, Оборотень послушно откинул голову на спинку сиденья и закрыл глаза.

– А ты не ответила на вопрос про Столыпина. Это настоящая фамилия или творческий, так сказать, псевдоним? Причем, заметь, врать стыдно. Я же все равно когда-то узнаю.

Девушка выдохнула, демонстрируя свое недовольство и нежелание говорить на эту тему.

– И хватит уже тему переводить. Не воображай, что ты – крутой психолог – общаешься с первокурсником художественного училища и можешь на раз, – Оборотень на этих словах щелкнул пальцами, демонстрируя степень легкости задачи, – увлечь меня фантазиями.

– Псевдоним, – буркнула девушка.

– И чего было тайну разводить? Вот, тоже мне, секрет государственной важности! А какая у него настоящая фамилия?

– Экий ты любопытный!

– Потому и ценят меня высоко.

– Марков.

– Ни о чем не кричащая фамилия, – прокомментировал парень и снова умолк так резко, будто сразу заснул.

– Ну? Так теперь уже твоя очередь, – недовольная тем, что все время общение вел он, спустя несколько минут пробурчала девушка.

– Да? Тебя это все еще интересует? Я думал, ты спросила только для того, чтобы сменить тему и отвлечь меня от твоего любимого Маркова.

– Я думала, мы этот нюанс уже проехали! – на этот раз почти обиделась она.

Лена внутренне негодовала. Действительно, ее ничуть не интересовало, как этот нахал проводит свободное время, но теперь отступать было поздно, надо было играть до конца.

– Я тоже любопытная. Потому что никогда не знаешь, какая информация когда пригодится. Отвечай!

– Я не пью, – засыпая, почти промычал парень.

– Понятно. И не куришь. Ты скучный. Может, ты еще и с женщинами-то не умеешь?

– Сама скоро узнаешь.

Девушка от такой бесцеремонности изменилась в лице и начала подыскивать в окружившем ее автомобильном столпотворении пути, чтобы подъехать к краю тротуара и высадить парня. И плевать на то, что теперь он точно опоздал на электричку и ему некуда идти! Лена даже рот открыла, намереваясь что-то сказать, что-нибудь поярче и поострее, что-то такое, что зацепит его за живое, обидит и заставит понять, как он ей надоел. Но все, что приходило на ум, казалось слишком безобидным в сравнении с его наглостью. Вместо хлесткого, как пощечина, ответа наступила гробовая тишина. В этот момент почему-то затаили дыхание и перестали шуметь даже машины.

– У меня нет достойных слов... – наконец выдавила она, решив признаться и таким образом показать степень своего возмущения. – Это просто... полный восторг!

– Я рад, что тебе уже нравится наша перспектива.

– Твоя наглость... Не знаю, берет ли она города...

– Пока не пробовал, но планы имеются, – лениво вставил ремарку в ее тираду Оборотень, – на рассвете расскажу.

– ...но ты меня начинаешь порядком раздражать. Сейчас я пролезу к обочине и ты все-таки выйдешь. Потому что я могу, и это правда, испортить тебе карьеру. Или тебе не нужно это твое задание?!

Лицо парня было воплощением самого каменного равнодушия.

– Ну, если тебе наплевать, – все больше кипятилась Лена, – то я сделаю так, чтобы неприятности случились у всего твоего батальона. Или как там вас называют. И это с ними произойдет по твоей вине. И они узнают, что причина их проблем – ты. Хочешь?

Парень улыбнулся. Лена это как-то почувствовала и, чтобы удостовериться, повернулась к нему. Действительно, хоть и не раскрыв глаза, Оборотень улыбался.

– Что смешного?

– Мне нравится, что ты неосознанно уже стараешься меня возбудить. Я ценю. И обещаю, я не буду такой же спокойный ночью рядом с тобой в кровати. Просто сейчас это необязательно, и я экономлю эмоции. Накапливаю, так сказать.

– Нет! Ты беспредельный нахал! – чуть не захлебывалась своим негодованием Лена. – Я действительно могу испортить тебе жизнь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.